

О. В. Карина, М. А. Лученкова,
Н. Е. Шустова

Партиципационное взаимодействие
и жизненные перспективы личности

Монография

Саратов
2018

УДК 159.9: 316.6
ББК 88.5
К23

Рецензенты:

Доктор социологических наук, доцент
О. В. Бессчетнова;
Кандидат психологических наук, доцент
Н. А. Складар

Рекомендовано к изданию научно-методической комиссией Балашовского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Издание монографии осуществляется при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
научный проект №17-06-00338-ОГН.

Карина, О. В.

К23 **Партиципационное взаимодействие и жизненные перспективы личности** : монография / О. В. Карина, М. А. Лученкова, Н. Е. Шустова. — Саратов : Саратовский источник, 2018. — 120 с.

ISBN 978-5-91879-859-1

В монографии раскрывается проблема партиципационного взаимодействия в контексте жизненных перспектив личности. Рассматриваются вопросы осознания личностью временного континуума жизни и восприятия себя в прошлом, настоящем и будущем. Анализируются различные аспекты субъективного благополучия личности и особенности социальной позиции лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья. Особое внимание уделяется феномену партиципации, рассматриваются структурные предикторы и виды контактирования в системе разностатусного взаимодействия.

Монография адресована психологам, социологам и педагогам, а также специалистам, интересующимся вопросами построения личностью жизненной траектории.

УДК 159.9: 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-91879-859-1

© Карина О. В., Лученкова М. А.,
Шустова Н. Е., 2018

О г л а в л е н и е

Введение	4
Глава 1. Жизненная перспектива как многомерный образ будущего	
1.1. Временной континуум и жизненные перспективы личности	6
1.2. Структурно-содержательные аспекты жизненных перспектив	17
1.3. Временной аспект представлений о себе: «Я» в прошлом, настоящем и будущем	27
Глава 2. Взаимодействие «Я» и «Другого» как механизм интеграции личности в общество	
2.1. Специфики взаимодействий личности на уровне «Я — Другой»	40
2.2. Психологическое благополучие и социальное самочувствие личности	50
2.3. Общественное положение лиц с ОВЗ и их социальное поведение.....	58
2.4. Лица с ОВЗ как субъекты конструирования своей жизни.....	66
Глава 3. Феноменология и психологический анализ понятия «партиципация»	
3.1. Основные подходы к изучению проблемы партиципации	74
3.2. Векторная направленность партиципационных взаимодействий.....	85
3.3. Девиктимизация лиц с ОВЗ в процессе партиципации	96
Заключение	108
Список литературы	110

Введение

Монография «Партиципационное взаимодействие и жизненные перспективы личности» освещает результаты теоретического анализа феномена «партиципация», жизненные перспективы и особенности социально-психологического взаимодействия лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья.

Авторский материал состоит из трех глав. Первая глава освещает проблематику жизненной перспективы личности как многомерного образа будущего. В параграфах рассматриваются вопросы, связанные с образом Я личности, ее субъективного представления о временном континууме, в частности в векторе «прошлое — настоящее — будущее».

Авторы характеризуют специфику личностных экспектаций, учитывая контекст разностатусных взаимодействий и структурно-содержательные аспекты жизненных перспектив современной личности.

Вторая глава монографии освещает проблему взаимодействия Я и Другого как механизм интеграции в социальное сообщество. В параграфах представлены вопросы, касающиеся специфики взаимодействия личности на уровне «Я — Другой», проанализированы аспекты субъективного благополучия личности и особенности социальной позиции лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья.

Третья глава монографии посвящена проблеме партиципационных взаимодействий в социуме. Авторы рассматривают феномен «партиципация», структурные предикторы данного феномена, виды партиципационных взаимодействий, а также модальность мотивационно-потребностного поля, ориентирующего личность на определенный вектор контактирования в системе разностатусных взаимодействий.

В данной главе представлены также типы самооценивания личностями, имеющими ограниченные возможности здоровья, собственного Я, при учете ожидаемых социально-психологических реакций с позиции Другого. Кроме того, во второй главе представлены типы избираемого поведения в процессе партиципации: сверхнормативное и псевдосверхнормативное, характеризующие степень готовности к партиципации, меру включенности в разностатусные взаимодействия, а также характер реального (манифестного и латентного) восприятия лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья.

Основной акцент авторы при формулировании вектора дальнейших исследовательских действий делают на разработке механизмов девиктимизации лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья. Представленный в монографии маршрут девиктимизации осуществляется в ходе активизации нормативной партиципации и осознанного принятия равноценности и эффективности личности, имеющей инаковые признаки, партнерами по взаимодействию.

Авторы желают профессиональных успехов психологам, педагогам, специалистам, работающим в сфере осуществления помощи лицам с ОВЗ, при использовании теоретических разработок, представленных в монографии.

Глава 1. Жизненная перспектива как многомерный образ будущего

1.1. Временной континуум и жизненные перспективы личности

Жизнь каждого человека пролонгирована во временном континууме, наполненном событиями, имеющими для личности то или иное ценностно-смысловое значение. Восприятие прошлого, настоящего и будущего позволяет личности ощущать непрерывность жизни, помогает понять сложность переплетения событий, осознать причинно-следственные связи происходящего, дает возможность не совершать непоправимые ошибки и своевременно решать поставленные задачи.

Важность свершившихся или ожидаемых событий может по-разному оцениваться личностью в различные периоды ее жизни. Ситуации прошлого спустя какое-то время могут обрести смысл, отличающийся от их первоначальной оценки и значимости. События настоящего могут восприниматься как жизненно необходимые и незаменимые, а могут быть сопряжены с таким философским вопросом, как «Почему это происходит со мной?». Однако независимо от их тональности, они, в любом случае, сопряжены с сильными эмоциональными переживаниями. Именно события, проживаемые «здесь и сейчас», позволяют человеку почувствовать себя «настоящим» в данный момент времени.

Сила действия прогнозируемых, но еще не свершившихся событий может быть столь велика, что способна оказывать влияние на восприятие прошлого и настоящего. В свете ожидаемых событий личность уже сегодня частично или полностью готова погрузиться в реализацию намеченного плана. А в ситуации прогнозирования негативных событий готова все усилия направить на их отсрочку, избегание или невозможность наступления. В тех же случаях, когда личность воспринимает все происходящее в жизни как предназначенное судьбой, она может принять ее и идти по заданному маршруту или, разочаровавшись в предназначенном пути, потерять смысл существования. Соответственно понимание личности, ее устремлений и переживаний сопряжено с осмыслением ее социальных связей, анализом жизненных событий и личностных экспектаций, которые вплетены в ее представления о временном континууме жизни.

Проблема восприятия и понимания личностью своего прошлого, настоящего и будущего всегда была в поле зрения представителей различных научных школ и направлений. Ученые стремились определить отправные точки отсчета каждого периода времени, установить характер влияния отдельных событий на субъективное восприятие времени и жизни в целом (П. Жане, Ш. Бюллер, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, К. Левин, Ж. Нютген, В. Ф. Серенкова, Г. С. Шляхтин, Л. А. Первин, О. П. Джон). Особое внимание уделялось поворотным жизненным моментам в контексте личностных переживаний (Л. Франкл, К. Хорни, К. Роджерс). Подчеркивая многоаспектность временного континуума жизни, все ученые, несмотря на использование различных понятий («жизненный путь личности», «время жизни», «жизненный цикл», «жизненные стратегии»), несущих свою специфическую смысловую нагрузку, в самом общем плане, говорили о содержательной важности временных периодов жизни для личностного становления.

Ш. Бюлер, проводя аналогию между процессом жизни и процессом истории, вводит в научный оборот понятие «жизненный путь личности», который впоследствии активно используется учеными. Индивидуальную жизнь личности она рассматривает как последовательность закономерных этапов, наполненных событиями, сопровождающимися субъективными переживаниями.

В качестве движущей силы развития, по мнению Ш. Бюлер, выступает стремление личности к самоосуществлению, самоисполнению. Жизненный путь человека в работах С. Л. Рубинштейна представлен как целостный процесс, не сводимый к сумме жизненных событий, отдельных поступков и продуктов деятельности. В описании индивидуальной истории ученый предлагает акцентировать внимание не на событиях как таковых, а на отношениях личности, в которых всегда отражена внутренняя позиция к внешнему, а также самоотношение (отношение к предметному миру, другим людям, самому себе) [122].

По мнению Б. Г. Ананьева, история развития личности разворачивается в реальном пространстве и времени онтогенеза и одновременно им же в известной степени определяется. При этом он обращает внимание на то, что целостность индивидуальной жизни обусловлена как особенностями психофизиологического развития, характерными для биологического времени, так и закономерностями социализации, проявляющимися в постепенном и последовательном введении человека в мир социальных отношений. Ученый также подчеркивает, что жиз-

ненный путь человека раскрывается в его биографии, индивидуальных и социальных достижениях на различных жизненных этапах. И поскольку индивидуальная жизнь человека строится в конкретном историческом периоде, в контексте существующих общественных отношений, то жизненный путь человека не может быть понят вне анализа соответствующей эпохи [6].

К. А. Абульханова-Славская, анализируя особенности жизненного пути личности, отмечает, что «...личность включается в совокупность причин и следствий своей жизни не только как зависимая от внешних обстоятельств, но и как активно их преобразующая, более того, как формирующая в определенных условиях позицию и линию своей жизни» [1, с. 39]. Выступая в качестве субъекта жизни, личность организует ее по собственному замыслу, исходя из имеющихся способностей и возможностей. В тех же случаях, когда человек не уделяет должного внимания осмыслению и организации своей жизни, она становится подражательной. В этой связи К. А. Абульханова-Славская уделяла особое внимание жизненной стратегии — способности личности к поиску решения в ситуации жизненных противоречий с учетом своей индивидуальности и внешних обстоятельств. И в этом смысле человек не выступает пассивным объектом, включенным в определенное прошлое, настоящее и будущее. Он — субъект времени жизни человека, а также ее организатор [1].

Е. И. Головаха и А. А. Кроник целостность представления о времени жизни объясняют совокупностью сложных устойчивых связей между событиями разных временных периодов, которые подчинены логическим цепочкам «причина — следствие» и «цель — средство». Характер связи между событиями свидетельствует о векторе влияния: из прошлого в будущее (причинные связи); из будущего в прошлое (целевые связи). Исходя из этого, они выделяют два основных типа связи между событиями: детерминация прошлым и детерминация будущим. Сосредоточенность личности на прошлом, настоящем и будущем в контексте жизненных событий указывает на реализованные (сверившиеся события) актуальные (реализуемые, но еще незавершенные события), потенциальные (ожидаемые, планируемые события) связи. В фокусе происходящих и ожидаемых событий, а также особенностей настоящего выделенные детерминационные связи могут отличаться по направленности, знаку, протяженности, вероятности, дифференциации и временной концентрации. Таким образом, целостность временного

континуума обусловлена осознанием причинно-следственных связей в контексте выдвигаемых целей и используемых средств их достижения [26].

Понимание сложности переплетения «прошлого — настоящего — будущего» сопряжено с различной трактовкой их значимости. Как показывает анализ научных источников, в современной науке накоплен огромный материал, раскрывающий важность различных временных периодов жизни в становлении и развитии личности, выработки ее отношения к себе и своему прошлому, настоящему и будущему.

«Сегодняшние успехи и неудачи имеют начало в прошлом. Они как бы запрограммированы прошлым. В этом смысле наши нынешние победы и поражения — суть вчерашней „самоподготовки“» [111, с. 184]. Это, конечно, так. Однако не стоит рассматривать изолированно события прошлого вне целостности временного континуума, где настоящее и будущее могут оказать влияние на переосмысление дней вчерашних.

Так, например, для психоанализа и бихевиоризма свойственно смещение акцента в сторону прошлого, которое рассматривается как предопределяющее последующие поведение и состояния человека. Полученный личностный опыт, безусловно, не может не отражаться на жизнедеятельности человека. По мнению представителей гуманистической и экзистенциальной психологии, удельный вес будущего, наличие жизненных целей и мотивированность личности имеют куда более значимый удельный вес во временном континууме личности, чем остальные периоды.

Объясняя настоящее через призму представлений личности о будущем, В. Франкл писал, что существование человека вне жизненных ориентиров невозможно, человеку необходима какая-то цель, к которой он стремится. Именно она придает жизни в целом или конкретному отрезку времени смысл. Явление, в котором на одном полюсе находится цель, а на другом — человек, который должен ее реализовать, В. Франкл назвал «нусодинамикой», подчеркнув тем самым, что никакое «равновесие» (константность) не обеспечит ощущение полноты жизни [103].

К аналогичному выводу пришел и А. Адлер, творческий путь которого начинался в рамках психоанализа. Он отмечал, что детерминированность жизни прошлым преувеличена, решающим для человека является наличие целей и смысла, то есть устремленность в будущее. Осмысленность жизни помогает человеку найти свой собственный

неповторимый стиль жизни, дает ему возможность управлять своей жизнью, выбрать средства и устанавливать сроки достижения цели [3].

Согласно Дж. Келли, жизнь человека, его поведение преимущественно определяются образом будущего, в некоторой степени — настоящими событиями, в меньшей мере — прошлыми. Человек, по мнению ученого, всегда живет в состоянии ожидания, попытке предвидеть и проконтролировать наступление событий будущего. Подобная ориентация подталкивает человека на постоянное тестирование действительности. Прогноз, осуществляемый человеком, делается не только ради него самого, но и чтобы лучше представить будущую реальность [132].

Г. Олпорт рассматривает проблему временных связей в контексте реализации имеющихся возможностей и творческого потенциала личности, которые выступают условием ее развития. Он отмечает, что личность, направленная на будущее, стремящаяся реализовать определенные цели, генерируемые изнутри, априори должна исходить из единства связей прошлого, настоящего и будущего. Но при этом прошлое — уже состоялось, а потому личность в какой-то степени свободна от него. Лишь будущее, жизненные перспективы и амбиции обладают мотивирующей силой, которая нацеливает личность на движение по определенному заранее выбранному пути [121].

В работах отечественных авторов (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, В. И. Ковалев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн), раскрывающих сложность переплетения времен в жизни человека, особое внимание уделяется способности личности к опережающему отражению действительности. Представление о будущем, предвосхищение будущих событий, наличие жизненных планов и целей оказывают влияние на настоящее человека посредством выработки упреждающих действий и саморазвития.

Вместе с тем Л. Н. Коган подчеркивает, что все совершаемое человеком в настоящем может повлиять на происходящее в будущем: «Будущее вероятно; с ним люди связывают свои надежды и опасения, свою дальнейшую судьбу. При этом человек зачастую не замечает того, что будущее не возникает спонтанно, вдруг, что оно подготовлено настоящим, более того — настоящее содержит его элементы, ростки. Будущее зависит от выработанных всей предшествующей жизнью качеств человека, его установок, от тех дел, которые он начал сегодня, от его прошлого и настоящего» [47, с. 114]. Он также не исключает из жизни человека наличие внезапных и непредсказуемых событий, спо-

собных оказывать существенное влияние на ход его личной истории. Однако, несмотря ни на что, в основе направленности вектора будущего лежит, с точки зрения ученого, его настоящее. Стоит заметить, что еще Аврелий Августин отмечал, что реальностью обладает только настоящее, а существование прошлого и будущего объясняется особой призмой настоящего.

На особую роль связи жизненных этапов указывает П. Фресс, утверждая, что человек воспринимает время как процесс упорядоченности изменений, их продолжительности и интервалов между ними в ситуации сегодняшнего дня. Введенное им понятие «временной кругозор» характеризует способность личности воспроизводить в памяти события прошлого и создавать образы будущего, прогнозировать еще не наступившие события. Подобная способность обеспечивает целостность восприятия событий жизненного пути и отражается на отношении личности во времени [104].

П. И. Яничев, изучая особенности отражения и переживания времени, приходит к выводу, что структура воспринимаемого личностью прошлого-настоящего-будущего может быть представлена в виде «магической семерки», где временные периоды соответствуют пропорции 2:4:1. Получается, что временное поле личности в большей степени включает в себя «настоящее», в два раза меньше — «прошлое» и еще меньше — «будущее» [118].

Таким образом, осознание временного континуума жизни, сопряжено с постоянной обращенностью личности в будущее и одновременным соотносением отдаленного будущего со своим настоящим, которое во многом обусловлено прошлым. Понимание себя, своего жизненного пути и реальности, в которой предстоит реализация поставленных целей, требует от личности глубокой проработки жизненных ситуаций, своего отношения к ним, а главное — определение своей роли во всем происходящем и планируемом. А если учитывать тот факт, что перед человеком всегда стоят какие-то задачи, поставленные им самим или его окружением, то ему просто жизненно необходимо проработать стратегии их решения или выработать иную позицию. В любом случае это предполагает определение для себя перспектив с учетом желаний и имеющихся возможностей.

В этой связи представляется важным детально проанализировать проблему жизненных перспектив, возникшую в рамках учения о «психологии времени» (П. Жане, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, К. Левин,

Ж. Нюттен, В. Ф. Серенкова, Г. С. Шляхтин, Л. Франкл) и «жизненный путь личности» (Ш. Бюллер, К. А. Абульхановой-Славской, В. Г. Асеева, Я. В. Васильева, М. Р. Гинзбурга, А. А. Кроника, Л. Ю. Кублицкене, В. Ф. Серенковой, Н. Н. Толстых). В научном сообществе наряду с термином «жизненные перспективы» встречаются близкие по значению в той или иной мере понятия: «временная перспектива», «перспектива будущего», «психологическая перспектива», «личностная перспектива», «личное будущее», «временной кругозор», «временная перспектива будущего» и другие.

Обобщая все многообразие взглядов, можно сказать, что под жизненной перспективой большинство авторов понимает относительно целостный образ будущего, наполненный планируемыми и ожидаемыми событиями, имеющими разную субъективно-модальную значимость для личности. Жизненные перспективы отражают представления личности о своем будущем, его предопределенности или многовариативности, связи с прошлым и настоящим, о влиянии на выбор сегодняшней модели поведения.

Принято считать, что впервые пристальный интерес к проблеме жизненных перспектив был проявлен К. Левиным и Л. К. Франком. С их именами связывают введение в научный оборот термина «временная перспектива». По мнению К. Левина, данный термин демонстрирует «всеобщность взглядов индивида на психологическое будущее и психологическое прошлое, существующее в данное время на реальном и различных ирреальных уровнях» [55, с. 139]. Он подчеркивал, что самочувствие человека, его поведение и состояния определяются не столько сложившейся ситуацией, сколько его надеждами, страхами и воспоминаниями. При этом ни прошлое, ни будущее не будет иметь должного влияния, если события, связанные с этими временными периодами, не включены личностью в ее жизненное пространство.

Л. К. Франк, указывая на взаимодействие временных зон, отмечал, что будущее детерминирует настоящее, которое в свою очередь контролирует прошлое, а прошлое определяет будущее и тем самым накладывает свои ценности на настоящее [128].

Временная перспектива в представлении Ж. Нюттена связана с иерархическим распределением жизненных целей в контексте их временной реализации. Иначе говоря, в сознании человека одновременно присутствуют разноудаленные объекты-цели, причем некоторые из них имеют виртуальный характер. Объекты-цели, актуализированные

«здесь и сейчас», имеют пространственно-временную локализацию, и человек воспринимает их исходя из ситуации сегодняшней реальности. Наряду с этими объектами-целями в сознании человека присутствуют и те, которые сложно презентовать в пространстве, но возможно представить во временном континууме. И их мотивационная сила, как утверждает Ж. Нюттен, не уступает непосредственно воспринимаемым объектам-целям, поскольку человеку свойственно с определенной периодичностью думать о будущем, о том, чего он хочет и как этого достичь. Соответственно, присутствие во внутреннем плане личности разноудаленных целей и создает временную перспективу, представленную в сознании человека. В свою очередь временная перспектива, по мнению Ж. Нюттена, связана с временной установкой (отношением личности к своему прошлому, настоящему и будущему) и временной ориентацией (доминирующей направленностью поведения на объекты, отнесенные к различным временным периодам). Таким образом, жизненные перспективы сопряжены с наличием целей, которые в свою очередь обладают мотивирующей силой, поскольку расположены в будущем и их еще предстоит достичь [75].

Схожее понимание жизненных перспектив представлено и в работах Т. Коттла. В своих исследованиях временную перспективу он определяет как способность человека действовать в настоящем в фокусе предвидения сравнительно отдаленных событиях будущего [124].

По мнению К. К. Платонова, А. Д. Глоточкина, жизненная перспектива — это образ желаемой осознаваемой жизни в будущем, которая возможна в случае достижения определенных целей. Вместе с тем ученый замечает, что перспектива не всегда связана с позитивным и желанным, иногда это ощущение тревоги и опасности. Конечно же, человек не планирует осознанно и безальтернативно «провальное» будущее, но он не может исключать возможные трудности и препятствия на пути достижения цели. Смещение акцента с позитивного ожидания на негативное неминуемо приведет к нарушению регулятивной функции перспективы и, как следствие, дезорганизации поведения уже в настоящем. Получается, адекватное и реалистичное представление будущего, а также готовность принять его во всей гамме противоречивых взаимодействий обеспечивает относительную стабильность и перспективность личности. Таким образом, лишь целостное представление будущего, в которое включены планируемые, ожидаемые и вероятные события, имеющие для личности существенное значение с пози-

ции достижения поставленных целей, и определяют ее жизненные перспективы [80].

Е. И. Головаха трактует жизненную перспективу как целостную картину будущего, соединяющую воедино программируемые и ожидаемые события, с которыми личность связывает смысл своей жизни. Он указывает на определенную последовательность жизненных целей и планов, проявляющуюся в конечном итоге в конкретных жизненных событиях. Тем самым ученый акцентирует внимание на важности осознанного планирования своего будущего, позволяющего человеку управлять временем и жизнью в целом. Кроме того, Е. И. Головаха настаивает на необходимости создания в обществе условий, способствующих реализации различных целей. Иначе, по его словам, сложно ожидать от людей включенности в конкретную деятельность [26].

К. А. Абульханова-Славская, говоря о временной перспективе, предлагает различать три ее аспекта: психологический, личностный, жизненный. Психологическая перспектива представляет собой способность личности сознательно прогнозировать будущее и видеть себя в нем. Личностная перспектива как бы опирается на психологическую, в том смысле, что имеющиеся представления о будущем уже сегодня проявляются в личностной готовности к нему. Иначе говоря, личностная перспектива — это показатель зрелости, способности личности к организации временного аспекта жизни. Жизненная перспектива — более сложное явление, которое не всегда открывается обладателям психологической и личностной перспективы. Она сопряжена с совокупностью различных обстоятельств и условий, обеспечивающих возможность оптимального жизненного продвижения при прочих равных условиях. И соответственно, она чаще открывается тем, кто заблаговременно начал задумываться о смысле и важности жизненных опор и создавать соответствующую систему ориентиров и возможностей в настоящем [1].

В работах В. И. Ковалева способность личности соединять настоящее, будущее (перспективу) и прошлое (ретроспективу) была названа транспективой. Подобное сквозное видение связи времен, выступая механизмом жизнедеятельности, способствует возникновению интегральных образов, в которых отражено значение пережитого для настоящего, раскрыт смысл ожидаемого и желаемого для настоящего, определена важность своевременности действий в настоящем. Следовательно, отображенные значимые моменты жизни, с одной стороны,

проявляются в чувственно-мысленных образах, а с другой — в ценностно-смысловой переработке этих образов. Все это приводит к психологическим обобщениям, которые в свою очередь способствуют формированию осознанного отношения к своей жизни в целом, где особое место отводится размышлению относительно своего будущего и возможных изменений «Я» во временном континууме [45].

Схожую позицию демонстрирует и Ю. П. Деревянко. Он отмечает, что во «временной транспективе» проявляется осознание связи прошлого, настоящего, будущего, в то время как во «временной перспективе» отражены индивидуальные особенности видения своего будущего. Соответственно, «временная транспектива», с точки зрения исследователя, включающая и осознание себя в настоящем, и проектирование своего будущего с учетом имеющегося опыта, на фоне осознания единства временной структуры может более реалистично планировать будущее. Процессы самоанализа и рефлексии в совокупности с существующей в обществе системой ориентаций опосредуют построение жизни, тем самым привнося элемент личной и социальной ответственности во все планируемые [29].

Н. Н. Толстых временную перспективу определяет как репрезентацию мотивационной сферы, в которой каждый компонент (мотив) рассматривается в единстве его пространственно-временных характеристик. Пространственная составляющая мотивов обусловлена их предметным содержанием, местом в ценностно-смысловом поле личности, а темпоральная — предвосхищением реализации желаемого в будущем [97].

Отдельные аспекты жизненных перспектив рассматриваются в рамках концепции самосбывающегося пророчества. Р. Мертон обращает внимание на такой социально-психологический феномен, согласно которому сделанные прогнозы сбываются лишь потому, что были предсказаны кем-то при определенных условиях. Подобная ситуация становится возможной в связи с тем, что включается механизм запуска предсказанного события. Сам факт ожидания конкретного события определяет особенности восприятия окружающей действительности, человек осознанно или бессознательно из всего многообразия реальности выделяет лишь то, что в той или иной мере подтверждает пророчество [137].

Происходит своего рода сужение сознания, для которого характерно «туннельное восприятие реальности». Самосбывающееся пророчество начинает управлять будущим человека, стирая его многовариан-

тивность. Однако, как замечает ученый, самореализующиеся пророчества имеют силу до тех пор, пока человек верит в неизбежность его наступления.

Таким образом, многочисленные исследования отечественных и зарубежных мыслителей убедительно продемонстрировали, что целостность жизни во всей гамме ее событий и ожиданий, надежд и разочарований, успехов и неудач может быть понята только в контексте сквозного восприятия прошлого, настоящего и будущего. Только осознание значимости каждого жизненного этапа, осмысление действия причинно-следственных связей во временном континууме, а также признание того, что человек может строить жизнь сам и менять ее по собственному замыслу позволит ему ощутить полноту жизни. В то время как сосредоточение личности на одном из временных отрезков ограничивает ее, делает жизнь односторонней и зачастую разбалансированной.

Прошлое приносит личности опыт, который приобретается благодаря пройденному жизненному периоду, наполненному разными по длительности и значимости событиями. Отпечаток, оставленный происходящим в прошлом, хочет того человек или нет, будет оказывать воздействие на его настоящее. Однако это влияние не абсолютно, оно носит относительный характер, поскольку только в настоящем человек может действовать, а следовательно, и менять свое отношение к тем или иным ситуациям. Вместе с тем уже в настоящем, как бы виртуально, присутствует будущее. Человек мечтает, строит планы, ждет наступления определенных событий и готовится к ним.

Признавая важность каждого из временных аспектов, человек не только принимает жизнь такой, какова она есть, но и сам выступает субъектом жизненного пути. Поскольку любое начинание предполагает проектирование желаемого, то вопрос о жизненных перспективах всегда присутствует в ментальном поле человека.

В жизненных перспективах отражены представления человека о будущем, о том, чего он хочет достичь, кем и каким мечтает стать. Кроме того, в жизненных перспективах присутствуют и предполагаемые способы достижения желаемого, а также прорабатываются механизмы преодоления условий, мешающих реализации намеченного плана.

1.2. Структурно-содержательные аспекты жизненных перспектив

Жизнь человека во все периоды его жизни всегда наполнена различного рода событиями, которые либо уже свершились, либо происходят в настоящий момент, либо находятся в поле его будущего. Способность планировать будущее, думать о нем и уже сегодня испытывать по этому поводу эмоции свидетельствуют о том, что ожидаемые и планируемые события играют в жизни человека свою особую важную роль.

Характер прогнозируемых и ожидаемых событий во многом определяется системой ценностных координат, заданной в обществе. Вместе с тем, именно индивидуальный опыт и личностные особенности каждого человека обуславливают специфику представления личности о своем будущем. Жизненные перспективы, базирующиеся на ценностно-смысловых приоритетах, как правило в сознании человека соотносятся с определенным временем их наступления.

Ожидание достижения перспективных целей или желаемых событий позволяет человеку определить вектор движения, наметить жизненную траекторию. Напротив, размытая система жизненных приоритетов, отсутствие жизненных планов и нежелание брать ответственность за собственную жизнь свидетельствуют о наличии серьезных жизненных проблем. «Способность личности регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное ее целям, ценностям, есть высший уровень и подлинное оптимальное качество субъекта жизни. Оно одновременно позволяет человеку стать относительно независимым, свободным по отношению к внешним требованиям, давлению...» [1, с. 40]. Планируемые и ожидаемые в будущем события делают представления личности о завтрашнем дне более систематизированными. Именно наличие целей и планируемые в связи с ними события составляют содержательное наполнение жизненных перспектив. Так, перспективность человека, по мнению Е. И. Головахи, подразумевает обязательное наличие у него жизненных целей, стремление к которым делает жизнь осмысленной.

Е. Клинггер стремление к цели описывает как «императив намерения» и говорит о том, что это намерение является основой жизни, вне которой жизнь бы не состоялась, не существовала [133]. При этом в научном сообществе делают акцент на том, что оптимальность регу-

ляционной функции жизненных перспектив обеспечивается не простым наличием целей, а их иерархичностью и поиском способов достижения намеченных целей.

Как видим, в научном сообществе отчетливо прослеживается тенденция, согласно которой жизненные перспективы в той или иной степени рассматриваются в контексте проблемы целеполагания. И это вполне обосновано, поскольку процесс целеполагания сопряжен не только с определением приоритетов, но и с дифференциацией целей во временном континууме. Как отмечает Г. В. Акопов, целеполагание всегда отображает процесс построения человеком образа будущего результата деятельности (цели) на фоне осознания и принятия данного образа [5]. Он также указывает на значимость саморегуляции в процессе достижения поставленной цели.

По словам Д. В. Колесова, развитая форма целеполагания проявляется в активности личности и тесно связана с опережающим отражением действительности [48].

Ученые единодушны и в том, что целеполагание представляет собой сложное образование, в которое включены и цель, и средства ее достижения, и результат. Важность каждого из перечисленных компонентов бесспорна. Однако следует еще раз подчеркнуть, что без начального элемента, то есть цели не будет и дальнейшего направленного движения в будущее.

Принимая во внимание идеи, разделяемые подавляющим большинством ученых, отметим, что определение цели всегда связано с потребностями, мотивами, ориентациями, установками и представлениями личности. Кроме того, наличие цели, как правило, предполагает внутреннюю готовность, установку личности к движению в заданном направлении. По А. Н. Леонтьеву, мотив, проявляющийся в «опредмечивании потребности», придает возникшему побуждению смысл [56].

Соответственно, для человека важным является не просто объект или событие как таковое, а именно его субъективное значение.

Для Л. Н. Когана целеполагание тесно связано со смыслом жизни, который сформулирован человеком в фокусе системы ориентиров, заданных действительностью, социумом. Размышляя над проблемой смысла жизни, он рассматривает цель жизни в виде ствола дерева жизненных целей, который объединяет и организует частные цели в направлении реализации общего смысла жизни. Он также допускает от-

каз от ряда целей, выступающих препятствием на пути осуществления жизненной «сверхзадачи» [47].

О цели как регуляторе деятельности и факторе, влияющем на принятие решения, говорится в системном подходе. Здесь цель выступает системообразующим условием вхождения человека в процесс достижения желаемого результата. В качестве важного момента, обуславливающего успешность жизнедеятельности, предлагается четко определиться с характером целей. Необходимо обозначить цели, ориентированные на ближайшее время и дальнюю перспективу, наметить сроки их достижения, а также понять их значение с точки зрения временной протяженности — они постоянные или временные. Очевидно, что эти вопросы человек не решает раз и навсегда, он к ним периодически возвращается и в случае необходимости вносит коррективы в соответствии с изменившимися условиями.

Конечно, на протяжении жизни человек неоднократно выдвигает для себя ряд горизонтов, к которым стоит стремиться. Однако перед ним всегда возникает задача, суть ее сводится к сведению множества целей к некой упорядоченной системе с приоритетными и промежуточными целями. Постановка цели, определение приоритетной — задача не простая, поскольку некоторые из них человек может воспринимать как привлекательные в равной степени. Подобная ситуация может вызвать конфликт ценностей. Хотя и не существует универсального способа избежать подобной ситуации, тем не менее полезным представляется соотнесение целей одного уровня с целями более значимыми с точки зрения их вклада в реализацию приоритетной. Кроме того, не лишним для осознания важности каждой цели следует рассматривать ее с позиции утраты и лишения. Потеря, как крайний вариант разрешения конфликтной ситуации, может актуализировать конкретную цель, а также запустить компенсаторный механизм, позволяющий найти выход из сложной ситуации.

В целеполагании всегда приходится расставлять приоритеты. Более того, постановка цели всегда предполагает и определение средств ее достижения. Из всего множества средств человеку нужно выбрать наиболее оптимальные, которые с наибольшей вероятностью в установленные сроки позволят достичь цели. Стоит помнить и о том, что промежуточные цели по мере их достижения становятся средством достижения более значимой цели.

Т. А. Казакевич, раскрывая сущность цели, не без оснований указывает на две ее характеристики: во-первых, она является отражением желаемого будущего и связана со способностью личности предвидеть будущее, во-вторых, цель предполагает осознание объективных возможностей конкретной деятельности и сопутствующего ей результата [40].

Согласно А. Р. Лурия, наряду с целями, определяющими жизненные перспективы и направленность активности личности, важными с точки зрения достижения желаемого являются планы и программы, формируемые в процессе сознательной жизни человека [61].

Сходную точку зрения заявляют В. И. Мудрак и Т. А. Павлова, рассматривая в качестве основных путей реализации целей — жизненные программы и планы, в которых проработаны этапы достижения цели, обеспечивающие осознанное отношение личности к процессу целеполагания [71].

На планирование как важный элемент жизненных перспектив указывал и В. К. Вилюнас. Он отмечал, что систематическое просматривание различных по удаленности зон жизненной перспективы и многократное регулярное решение жизненных задач, поиск наиболее оптимального решения при минимальных затратах будут способствовать продвижению к намеченной цели [23].

И. С. Кон, рассуждая о жизненных планах, указывает на специфику их зарождения. С одной стороны, цели, поставленные человеком в комплексе с целой гаммой мотивов и сформированной системой ценностных ориентаций, определяют сущность желаемого. С другой стороны, наличие образа конечного результата как бы подталкивает человека на поиск способов и путей достижения цели, основанный на анализе имеющихся объективных и субъективных ресурсов. Данные намерения делают жизненный план деятельным в отличие от мечты, для которой в равной мере может быть характерна как активность, так и созерцательность [49].

Анализируя природу представлений личности о будущем, П. Герстманн в жизненных планах выделяет два типа целей: идеальные (конечные) и вспомогательные (конкретные). Первые определяются идеалами и характеризуются стабильностью, для вторых свойственна конкретность и достигаемость, а также подверженность изменениям в зависимости от успехов и неудач. Таким образом, он указывает на тесную связь жизненных планов и ценностей личности [129].

Согласно событийному подходу, Е. И. Головаха акцентирует внимание на специфике жизненных целей и планов, проявляющейся в конечности или промежуточности событий на определенном жизненном этапе. Для целей характерна масштабность и общая канва хронологических событий, а для плана свойственна последовательность реализации конкретных событий, назначение которых — приближение этой цели. Упорядоченность во времени определенных событий демонстрирует степень приближения желаемого и дает возможность осознать дискретность проявлений будущего на непрерывной жизненной линии. Движение по данной линии от события к событию определяется ценностными ориентациями личности, которые оказывают влияние на планирование будущего. Как отмечает автор, сложившаяся система ценностных приоритетов определяет общий вектор движения личности без конкретизации отправных точек, поскольку в отличие от целей и планов не обладает аналогичной определенностью. Это позволяет личности в случае невозможности или несвоевременной реализации намеченных целей и планов сохранить движение по заранее намеченной траектории. В ситуации успешной реализации поставленных целей система ценностных ориентации служит основой для постановки новых задач и определения путей их достижения.

Е. И. Головаха подчеркивает, что планируя будущее, личность, прежде всего, исходит из определенной иерархии ценностных ориентиров. «Ориентируясь в широком спектре социальных ценностей, индивид выбирает те из них, которые наиболее тесно увязаны с его доминирующими потребностями. Предметы этих потребностей, будучи осознанными личностью, становятся ее ведущими жизненными ценностями. Избирательная направленность на эти ценности отражается в иерархии ценностных ориентаций личности» [26, с. 265].

В представлениях В. Ф. Серенковой планирование жизни обусловлено единством временных, ценностных и действенных аспектов жизни. Под планированием она понимает структурирование будущего сквозь призму его целевой, смысловой и временной связи с настоящим. План, являющийся программой действия на будущее, предполагает реализацию целого ряда этапных целей, последовательность которых закладывается уже в настоящем. Более того, действия, совершенные человеком в настоящем, по мнению В. Ф. Серенковой, влияют на характер жизненных планов. Человеку свойственно после успешного или неуспешного решения конкретных задач представлять себя и свое бу-

дущее с учетом полученного результата. Этим она объясняет наличие в жизненных планах определенной доли фантазийных образов, а также моментов неопределенности и размытости. Таким образом, успешность реализации поставленных целей она связывает с проработанностью соответствующих программ и планов, которые, по ее словам, выполняют организующую функцию временной перспективы и выступают ее содержательными элементами [90].

Личностные ожидания и действия, планируемые в направлении реализации желаемой цели, В. Литтл называет личными проектами. По своей сути личные проекты — взаимосвязанные во времени действия, обусловленные интересами и целями человека. Личные проекты, по мнению исследователя, наполнены социальным контекстом, который проявляется в трех типах: интенциональном, системном и экологическом. Интенциональный контекст указывает на цели, лежащие в основе конкретного проекта. Системный контекст демонстрирует соотношение частных проектов в общей системе проектов. Экологический контекст описывал обстановку, в которой должно происходить или происходит действие. Подобный взгляд на сущность личных программ позволил ученому установить, что люди, в проекты которых были включены кратковременные важные проекты, характеризующиеся умеренными трудностями, более удовлетворены жизнью по сравнению с теми, кто ориентирован преимущественно на проекты широкого размаха [134].

Таким образом, в жизненных планах, согласно сложившемуся мнению, фиксируются основополагающие жизненные цели без жесткой конкретизации сроков их достижения, в то время как в плане предусматривается фиксированная последовательность сроков реализации конкретных целей с учетом имеющихся ресурсов. В свою очередь отсутствие жизненных планов свидетельствует о бесперспективности образа будущего в сознании личности. Подобное восприятие жизни не позволяет личности реалистично оценить ситуацию и сопровождается внутренним сопротивлением, неверием в собственные возможности. Кроме того, причина отказа от будущего может таиться в прошлом, в тех обязательствах, которые личность взяла на себя и почему-то считает приоритетными.

Т. Е. Резник, Ю. М. Резник поэтапное планирование и проектирование личностью своей жизни связывают с жизненной стратегией, характеризующейся направленностью в будущее. Жизненная стратегия рас-

сма­три­ва­ет­ся уче­ны­ми как не­кое иде­аль­ное обра­зо­ва­ние, спо­соб­ст­вую­щее по­стро­е­нию жи­зни, ба­зи­ру­ю­щей­ся на смы­сло­жи­з­нен­ных и цен­ност­ных ори­ен­та­ци­ях лич­но­сти, ее при­оритет­ах. Иде­аль­ность стра­те­гии про­яв­ля­ет­ся субъ­ек­тив­но и объ­ек­тив­но. Субъ­ек­тив­ность ха­рак­те­ри­зу­ет­ся на­ли­чием уни­каль­ных и не­пов­то­ри­мых лич­ност­ных смы­слов и це­лей, воз­ни­ка­ю­щих ситу­атив­но и над­ситу­атив­но. Объ­ек­тив­ность пре­до­пре­де­лена су­щес­т­во­ва­нием куль­тур­но обу­слов­лен­ных обра­з­цов, цен­но­стей и нор­м, ин­те­ри­оризированных че­ло­ве­ком в соци­а­ли­за­ци­он­ном про­цес­се. Сле­до­ва­тель­но, объ­ек­тив­ная иде­аль­ность скон­цен­три­ро­вана в куль­туре, а субъ­ек­тив­ная ло­ка­ли­зу­ет­ся в соз­на­нии и по­ве­де­нии че­ло­ве­ка, его пре­ды­ду­щем опы­те и це­лях. Пе­ресече­ние этих иде­аль­но­стей, по м­не­нию уче­ных, соз­да­ет так на­зы­ва­е­мую ин­тер­субъ­ек­тив­ность, смы­сл ко­то­рой за­к­лю­ча­ет­ся в сог­ласо­ва­нии вза­им­ных пред­став­ле­ний и ожи­да­ний. Иде­аль­ность стра­те­гии так­же свя­зана с ее ре­аль­но­стью, вы­ра­жа­ю­щей­ся в стра­те­гическом по­ве­де­нии, под ко­то­рым по­ни­ма­ет­ся внеш­няя, пред­мет­но-чув­ствен­ная форма вы­ра­же­ния жи­з­нен­ной стра­те­гии [85].

Правильная организация жизненных перспектив, по мнению К. А. Абульхановой-Славской, связана со способностью личности к построению жизненной стратегии. Личностный потенциал, позволяющий личности регулировать время жизни, одновременно является и динамической предпосылкой «опережающей» стратегии. В то же время она подчеркивает, что для каждого человека характерен свой неповторимый способ жизни, способ его организации и структурирования, а также осмысления и оценивания [1].

Жизненные стратегии, включенные в общую систему ориентирования, выполняющую функцию рефлексии жизни с позиции ее образа, нормы, смысла, ценности и цели, характеризуют ее стратегический и тактический аспекты. Иницилируемая личностью жизненная активность всегда направлена на конкретный объект ориентации, локализованный в пространстве и времени, то есть на событие жизни. Жизненные события — «...актуальные (представляющие для личности и ее социального окружения важный интерес), значимые (занимающие высокое место в ценностной иерархии личности) и организованные (упорядоченные) действия, осуществляемые в конкретных условиях места и времени. Несмотря на то, что каждое событие жизни уникально и неповторимо, оно направляется некоторыми относительно постоянными (инвариантными) и устойчивыми ориентациями» [85, с. 102].

По мнению В. Франкла, жизненные события, а также отношение к ним, по большому счету, создают контекст, в котором проявляется смысловое поле жизни человека. Происходящие или ожидаемые события определяют характер переживаний, ощущение счастья или разочарования. Вместе с тем В. Франкл заостряет внимание на том, что именно смысл жизни является внутренней трансцендентальной сущностью человека [103].

Таким образом, можно сказать, что жизненное событие, как правило, является собирательным образом действия различных жизненных ориентаций (перспективных, оперативных, ретроспективных) и всегда наполнено личностным смыслом. При этом именно последовательное наступление определенных событий может свидетельствовать о приближении момента реализации определенных жизненных целей. Соответственно, планы, в основу которых заложено наступление промежуточных событий, а также цели как ожидаемые более масштабные события, в своем единстве и упорядоченности во времени составляют основу жизненной перспективы и выступают ориентирами деятельности человека.

А. И. Епифанцева, раскрывая содержательные особенности жизненной перспективы, указывает на ее двойственность, обусловленную социальной природой человека. С одной стороны, перспектива является внешней объективной целью, стимулирующей деятельность человека, с другой — имеет личностно-значимый образ этой цели, наделенный мотивирующей силой. Иначе говоря, в сознании человека одновременно сосуществуют и личностные смыслы, и общественно значимые постулаты. В тех случаях, когда человек в силу различных обстоятельств в большей степени ориентируется на чувство долга, он может иногда пренебрегать личными интересами. Однако если расхождение между личным и общественным интересами будет обостряться, то может возникнуть внутренний конфликт. А это, безусловно, негативно отразится на деятельности и поведении личности.

Анализируя специфику субъективного аспекта перспективы, А. И. Епифанцева выделяет следующие психологические характеристики, которые позволяют понять всю глубину данного феномена: отнесенность к будущему; гармоничность перспектив (наличие и сочетаемость «перспективных линий»); эмоциональная интенсивность; волевое напряжение; устойчивость и динамичность [36].

Е. И. Головаха, А. А. Кроник, проводя всесторонний анализ феномена временной перспективы, приходят к выводу, что его особенности могут быть описаны в том случае, если будут учтены следующие параметры:

Продолжительность — межсобытийный хронологический интервал, представленный в сознании личности.

Реалистичность — способность личности разграничивать реальность и фантазию в представлениях своего будущего.

Оптимистичность — соотношение позитивных и негативных прогнозов относительно событий будущего.

Согласованность — осознание взаимообусловленности событий временного континуума: прошлого, настоящего, будущего.

Дифференцированность — степень разграниченности этапов будущего: ближайшие и отдаленные перспективы [26].

Исследуя уровневые и структурно-содержательные особенности переживания времени, Ю. П. Деревянко приходит к выводу, что данное переживание характеризуется континуальностью (дискретностью), не напряженностью (напряженностью), положительным (отрицательным) отношением к диапазону времени. Он также указывает на тесную связь переживания будущего с ценностно-смысловой сферой [29].

С точки зрения О. С. Гуровой, Е. А. Ипполитовой, И. А. Ральниковой, представления личности о жизненных перспективах тесно связаны с планируемыми и ожидаемыми событиями и имеют сложную структуру, включающую когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент представлен знанием о тех событиях, наступление которых отсрочено во времени, а также с планированием будущих событий. Данный структурный элемент характеризуется целеустремленностью, стратегичностью, насыщенностью, продолжительностью. Эмоциональный компонент демонстрирует отношение личности к предполагаемым событиям будущего, показывает глубину, направленность и силу индивидуальных переживаний. Поведенческий компонент указывает на специфику влияния перспектив на жизненные стратегии, выбираемые личностью уже в настоящем [83].

Г. С. Шляхтин, изучая возрастные аспекты временной перспективы на основе обобщения накопленного по данной теме материала, приходит к заключению, что личностная перспектива, являясь сложным системным образованием, обладает рядом характеристик, среди которых иерархичность и многомерность. Иерархичность обусловлена наличием

ем разностатусных целей: во-первых, это личностно значимые жизненные цели, во-вторых, цели-средства, выступающие узловыми моментами в планируемой деятельности, в-третьих, цели-задачи, направленные на конкретизацию определенных действий в рамках реализуемой программы. Многомерность указывает как структурную сложность цели, включающую эмоциональный, когнитивный и регулятивный компоненты [117].

На трехкомпонентную структуру жизненных перспектив указывают и О. В. Карина, М. А. Киселева, Н. Е. Шустова, Г. Н. Малюченко. Анализируя индивидуальные особенности предвосхищения будущего, они обосновывают наличие когнитивного, эмоционального и сценарно-поведенческого компонентов, содержание которых раскрывают посредством дихотомических показателей. Так, когнитивный компонент предвосхищения будущего, по мнению авторского коллектива, включает следующие показатели:

- вариативность/инвариативность (способность к предвосхищению различных вариантов жизненных организованных конструкций);
- абстрактность/конкретность осознания связи настоящего, прошлого и будущего (способность личности к детализированному представлению будущего);
- согласованность/рассогласованность (особенность соотношения настоящего, прошлого и будущего).

Эмоциональный компонент предвосхищения будущего содержит такие показатели, как:

- тревожность/спокойствие (особенность индивидуальных проявлений в контексте предчувствия возможных событий будущего);
- оптимизм/пессимизм (особенность восприятия будущего как обнадеживающего, перспективного или мрачного, бесперспективного).

Сценарно-поведенческий компонент предвосхищения будущего также представлен соответствующими показателями:

- активность/пассивность (включенность личности в процесс конструирования будущего);
- личностная зрелость/инфантильность (способность личности принимать ответственные, обдуманные, взвешенные решения);
- действенность/бездейственность в настоящем (связь актуальных действий с потенциальным результатом в будущем) [65].

Итак, проведенный анализ научных взглядов, раскрывающих структурно-содержательные основы жизненных перспектив, показал, что проблема будущего всегда находится в поле внимания ученых. Их стремление найти полное и всестороннее объяснение столь сложной и субъективной по своей сути социально-психологической категории обусловило наличие взаимодополняющих и обогащающих воззрений на данную проблематику. Надо сказать, что, несмотря на многочисленные исследования жизненных перспектив, они указывают на то, что будущее человека всегда связано с целеполаганием, ожиданием планируемых и возможных событий, осознанием причинно-следственных связей происходящего. В этой связи содержательный аспект жизненных перспектив всегда выражается через цели и планы, образы событий, а также жизненные программы, стратегические и тактические разработки.

Рассматривая в данном контексте жизненные перспективы, исследователи отмечают, что возникновение, направленность и устойчивость программ жизнедеятельности связаны с осознанием и принятием системы ценностных ориентиров, характерных для общества, в котором живет человек. Общество заинтересовано в том, чтобы транслируемые им приоритетные ценности воспринимались человеком как основополагающие и после актуализации выступали мотиваторами его деятельности. Тем самым снимался бы вопрос о возможных противоречиях, возникающих в случае столкновения общественных и индивидуальных интересов.

1.3. Временной аспект представлений о себе: «Я» в прошлом, настоящем и будущем

Понимание сложности переплетения «прошлого — настоящего — будущего», а также влияния этих периодов на становление и последующую трансформацию «Я прошлого», «Я настоящего» и «Я будущего» сопряжено с различной трактовкой их значимости. Как показывает анализ научных источников, в современной науке накоплен огромный материал, раскрывающий важность различных временных периодов жизни в становлении и развитии личности, выработке ее отношения к себе и своему прошлому, настоящему и будущему.

Говоря о важности осознания времени своего существования, Г. М. Андреева рассматривает его как дополнение к осознанию собственной идентичности. Подчеркивая взаимосвязь между этими формами

осознания, она указывает на то, что психологическое время жизни человека, рассматриваемое в контексте жизненного пути личности, раскрывает событийный характер различных периодов социального становления личности, в то время как временные аспекты Я-концепции (идентичности) сопряжены с осознанием своей изменчивости. Иначе говоря, во втором случае акцент смещается на принятие разных состояний «Я», выражаемых в представлении о себе во времени [7].

По мнению Е. П. Белинской, проблема наличия временных «модулов» в структуре Я-концепции в той или иной мере представлена во всех психологических исследованиях личности, что говорит о неподдельном интересе профессионального сообщества к данной теме. Она также подчеркивает, что идея субъективной «временной развертки» представлений личности о себе затрагивает различные аспекты жизнедеятельности, что обуславливает существенную палитру мнений по данному вопросу [13].

Во-первых, временные аспекты «Я» рассматриваются в тесной взаимосвязи с условиями и факторами формирования представлений личности о себе. Наличие различных концептуальных позиций позволило с разных сторон подойти к данному вопросу. Если в поле внимания ученых на первый план выходила активность и субъектность человека, то в качестве фактора, участвующего в построении «Я-представлений», рассматривалось соотношение реального и обращенного в будущее идеального «Я». Преобладание идеи социальной обусловленности самовосприятия сопровождалось смещением акцента на прошлое, которое сопряжено с усвоением транслируемых ролей. Здесь особое место отводится периоду детства.

Во-вторых, временные аспекты «Я» анализировались в контексте мотивационной проблематики, где подчеркивалась важность «прошлых» и «будущих» образов «Я» с точки зрения их влияния на поведение личности в различных социальных ситуациях.

В-третьих, согласованность темпоральных представлений о себе, выступающая показателем психического здоровья человека, является объектом внимания у представителей психотерапевтических направлений. Рассогласованность образов «Я прошлого», «Я настоящего» и «Я будущего» может выступать как источником личностных нарушений, так и фактором социально-психологической дезадаптации.

В-четвертых, стремление понять различные временные аспекты «Я» проявляется в разработке методического инструментария, позволяю-

щего определить все составляющие представлений о себе. Как видим, обзор научных позиций по вопросу временных аспектов «Я» позволил Е. П. Белинской очертить спектр основных интересов в этой области [13].

Соглашаясь с позицией автора, мы лишь хотим в рамках данного исследования акцентировать внимание на временной целостности личности и роли представления о себе в будущем как условия личностного развития.

Значительный вклад в развитие интереса к темпоральным аспектам проявления «Я» внес К. Роджерс, в работах которого временной момент фиксируется посредством выделения «реального Я» и «идеального Я». «Я-реальное» отражает то, каким человек является в настоящий момент, каким он видит себя с позиции сегодняшнего дня. Несмотря на то, что данный образ характерен для текущего периода, он обусловлен, по мнению автора, прошлым и настоящим опытом, а также основывается на ожиданиях будущего. «Я-идеальное» — то, каким человек должен или хотел бы стать, это его устремленность к тому, чем он не обладает, но в перспективе надеется обрести. Следовательно, идеальное «Я» отдалено во времени, поскольку человек только наметил цель, к которой предстоит идти [86].

Для К. Роджерса процесс построения себя, а также выстраиваемые представления о себе определяются исключительно стремлением человека к самоактуализации, то есть осуществлению своих возможностей на протяжении всей жизни. Темп продвижения по намеченной линии и сопутствующие переживания, по заявлению исследователя, зависят преимущественно от самого человека и в меньшей мере определяются действительной реальностью. Для человека реальность представлена в его субъективном восприятии, он сам ее интерпретирует.

В контексте сказанного, вполне понятным становится и отношение ученого к временным аспектам становления «Я». Признавая значимость прошлого опыта, а следовательно, и представлений о себе в прошлом, он настаивал на том, что сегодняшняя интерпретация прошлых событий и переживаний оказывает влияние на личность и ее поведение. Более того, он выражал уверенность в том, что прогнозирование своего будущего, образ себя в будущем существенно влияют на жизнь личности.

Р. Бернс, рассматривая «Я-концепцию» как систему установок по отношению к себе самому, замечает, что в силу совпадения в данном случае объекта и субъекта социальных установок, возникшие эмоции

и оценки характеризуются особой силой и относительной устойчивостью. Никто не в силах просто так, с легкостью изменить отношение к себе. Это обусловлено еще и тем, что самонаправленные установки содержат эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты.

Вместе с тем все многообразие установок на себя в конечном итоге сводится к трем основным модальностям: «реальному Я» (каким человек воспринимает себя), «идеальному Я» (каким хотел бы быть) и «зеркальному Я» (каким его видят другие). И как замечает Р. Бернс, важным источником саморазвития личности является соотношение между «реальным Я» и «идеальным Я» [14].

По мнению П. И. Яничева, «Я-прошлое», «Я-настоящее» и «Я-будущее» представляют собой систему субъективных и объективных компонентов модели личности. Формирование же целостности личности обусловлено интегрирующей функцией сознания — способностью соединить актуальные состояния, состояния прошлого опыта и предвосхищаемые состояния будущего. В зависимости от временной направленности личности (на прошлое, настоящее или будущее) эмоциональной фиксированности (на позитивном или негативном), особенности временных состояний (концентрация на реальности или имажитивности плана) он выделил 12 временных типов личности:

- Вспоминаящий тип — положительная сосредоточенность на прошлом в воображаемом плане.
- Сожалеющий тип — отрицательная сосредоточенность на прошлом в воображаемом плане.
- Инфантильный тип — положительная сосредоточенность на прошлом в реальном плане.
- Истероидный тип — отрицательная сосредоточенность на прошлом в реальном плане.
- Фантазирующий тип — положительная сосредоточенность на настоящем в имажитивном плане.
- Фобический тип — негативная сосредоточенность на настоящем в воображаемом плане.
- Реалистичный тип — положительная сосредоточенность на настоящем в реальном плане.
- Депрессивный тип — отрицательная сосредоточенность на настоящем в реальном плане.

- Мечтающий, оптимистичный тип — положительная сосредоточенность на будущем в воображаемом плане.
- Тревожный, пессимистичный тип — негативная сосредоточенность на будущем в воображаемом плане.
- Пассионарный тип — позитивная сосредоточенность на будущем в реальном плане.
- Деструктивный тип — негативная сосредоточенность на будущем в реальном плане.

Выделенные типы, с точки зрения автора, являются элементами временной интегральности личности. Иначе говоря, все 12 элементов присутствуют в личности, но в разной мере. Некоторые из них устойчивы и выступают в качестве доминирующих, а другие — подвижны и актуализируются под воздействием сторонних факторов. Соответственно целостность личности, ее идентичность обеспечиваются взаимодействием всех ее ипостасей, проявляемых во временном континууме [118].

М. Розенберг в рамках социально-психологического анализа личности выделяет следующие составляющие образа «Я», делая акцент на содержании и времени возникновения различных аспектов самосознания:

- «настоящее Я» — то, каким человек воспринимает себя в реальности в данный момент;
- «динамическое Я» — то, каким человек стремится стать в соответствии с поставленной целью;
- «фантастическое Я» — то, каким следует стать человеку, исходя из моральных норм и существующих образцов;
- «идеализированное Я» — то, каким приятно себя видеть;
- «будущее (возможное) Я» — то, каким человек мог бы стать в перспективе;
- «изображаемые Я» — то, каким человек транслирует себя окружающим, исходя из имеющегося набора так называемых социальных масок.

Многоликость образа «Я», показанная автором, свидетельствует как о сложности самого процесса становления самосознания личности и его постоянной динамики, так и о масштабах внутреннего содержания образа «Я» в контексте согласованности различных структурных компонентов [50].

А. В. Быкова, рассматривая темпоральные аспекты становления субъектности, предложила авторскую типологию форм активности

личности, в основу которой положила различные модусы психического бытия человека. По мнению автора, темпоральные ориентации психических функций обуславливают соответствующие составляющие «Я» личности: «Рецепторное Я», «Эффекторное Я», «Мотивационное Я», «Мыслящее Я» [20].

Так, прошлое человека определяет его «Рецепторное Я», поскольку оно связано с восприятием и представлением. «Рецепторное Я» — это субъект перцепции, опыта и памяти. Способность к отражению действительности позволяет человеку создавать образы, которые в последующем закрепляются в его индивидуальном опыте. Благодаря перцепции объективируется реальность, складывается представление о том, что окружает человека.

Перцепция всегда связана с тем, что уже произошло или начинает происходить. Соответственно можно говорить и о тех случаях, когда она фокусируется на границе прошлого и настоящего. При этом следует заметить, что контекстуальность и избирательность восприятия определяется не только индивидуальным опытом, но и особенностями эмоционально-волевой сферы человека. Поэтому субъект перцепции, ориентированный на прошлое, всегда соотносит происходящее с уже имеющимися ощущениями.

«Эффекторное Я» актуализируется благодаря эмоциям и чувствам, возникающим в настоящем. Переживание, характерное для текущего момента, обуславливает психофизиологическое состояние человека «здесь и сейчас», подчеркивает его подлинность. Существовая во внутреннем мире человека, переживание проявляется в информационной оценке, сигнализирующей о характере взаимосвязи актуальной потребности и перцептивного образа ситуации. Повышение вероятности реализации актуальной потребности в данной ситуации обуславливает наличие положительных эмоций. В противном случае у человека возникают эмоции отрицательной направленности. Таким образом, «Эффекторное Я» как бы демонстрирует отношение человека к тем или иным жизненным событиям в настоящий момент, указывая на их субъективную значимость.

«Мотивационное Я» связано с будущим, оно отражает единство желаемого и желанного. Субъект мотивации ставит цели и планирует наступление тех или иных событий в будущем, он полон намерений и ожиданий. Здесь цель выступает причиной перспективного «Я», а «Я», в свою очередь, является причиной мотивов и целей.

«Мыслящее Я», с одной стороны, находится вне времени, а с другой — обеспечивает связь прошлого, настоящего и будущего. Благодаря мышлению происходит «сборка» субъективных интенций (перцептивных, аффективных, волевых) в пространственно-временном ракурсе, результатом чего становится самосознание личности.

Таким образом, А. В. Быкова подчеркивает, что темпоральная направленность свойственна субъекту восприятия (прошлое), субъекту переживания (настоящее) и субъекту действия (будущее), а субъект мышления объективирует время в пространственно-организационных схемах.

А. А. Дергач, рассматривая различные аспекты профессионального становления личности, также уделяет значительное внимание временным аспектам «Я». Он говорит о сложной структурной организации профессиональной «Я-концепции», состоящей из «актуального Я», «ретроспективного Я», «идеального Я» и «рефлексивного Я». «Актуальное Я» проявляется во взгляде личности на самого себя с позиции сегодняшнего дня. Для «ретроспективного Я» характерна обращенность к себе в прошлом, к своему «Я», которое находилось в ситуации старта по отношению к какой-то сегодняшней ситуации. Так, будучи профессионалом, специалистом высоко уровня человек оценивает себя в контексте начального этапа своего профессионального становления. «Идеальное Я» демонстрирует то, каким бы хотел стать человек. Это своего рода образ безукоризненного, совершенного человека (профессионала). «Рефлексивное Я» обусловлено представлениями человека о том, как его воспринимают другие [30].

Каждая из представленных составляющих «Я» выполняет свою функцию. «Актуальное Я», являясь ядром профессиональной «Я-концепции», опирается на три другие компонента: ретроспективная часть позволяет человеку оценивать себя и свои достижения с позиции имеющегося опыта; идеальная составляющая направляет личность, определяет вектор ее перспективного развития; рефлексивность, свойственная личности, проявляется в самосознании и позволяет ей своевременно определять особенности социальной перспективы с учетом тех или иных контекстов.

Х. Маркус в структуре «Я-концепции» выделяет особый компонент — «возможное Я». Оно направлено в сферу будущего и отражает ожидания, цели, страхи, надежды и стремления личности. Являясь когнитивным выражением различных перспективных устремлений личности,

«возможное Я» выступает связующим звеном между самооценкой и мотивацией и тем самым оказывает существенное влияние на наличное знание о себе [136].

Текущая оценка себя, как отмечает Х. Маркус, в той или иной мере оттеняется представлением личности о себе в будущем. Осознание того, каким хотел бы стать человек и чего желал бы избежать в перспективе, а также его отношение к тому, что вряд ли когда-то станет реальностью, сопряжено не только с определенными жизненными целями, но и соответствующими ожиданиями и переживаниями, которые в своей совокупности определяют некий вектор возможных действий. Соответственно «возможное Я» может проявляться в трех основных спектрах: «Я», которым хотел бы стать; «Я», которым мог бы стать; «Я», которым боится стать. При этом каждая из «Я», с одной стороны, обладает мотивационным импульсом, с другой — выступает своеобразным фильтром будущего поведения.

Наряду с «возможным Я» Х. Маркус выделяет еще два компонента образа «Я»: «Я-схемы» и «рабочую Я-концепцию».

«Я-схемы» представляют собой генерализацию прошлого опыта личности. Как правило, у человека имеется индивидуальный набор схем, и каждая из них ответственна за переработку информации, касающейся его «Я» с учетом особенностей текущей деятельности. «Я-схема» позволяет личности сориентироваться в социальной ситуации, взвесить все имеющиеся данные, оценить собственные возможности для решения возникшей задачи в сложившихся условиях.

«Рабочая Я-концепция» — это представление личности о себе в данный момент. Для нее свойственна некая динамика, проявляющаяся в многомерном массиве знаний о себе, где на первый план под воздействием различных обстоятельств выходят то одна, то другая информация. При этом доступность знаний о себе не всегда обеспечивается в равной мере. Возможны ситуации, когда затруднено осознание всех аспектов происходящего. Кроме того, какие-то «рабочие Я-концепции» проявляются чаще, а какие-то — реже, что отражается на стабильности/изменчивости целостного представления о себе в ситуации социального взаимодействия. Иначе говоря, «рабочая Я-концепция» находится под влиянием прошлого представления о себе, особенностей сегодняшней ситуации и требований, связанных с текущей активностью. И это свидетельствует о том, что в отличие от «Я-схем», обеспечи-

вающих переработку информации, «рабочие Я-концепции» связаны с непосредственной активностью личности.

Таким образом, стоит отметить, что «возможное Я», «Я-схемы» и «рабочие Я-концепции» оказывают систематическое глубокое воздействие друг на друга. Очевидным является и то, что каждая из составляющих «Я» может быть представлена некоторым множеством проявлений с различным оценочным модусом — позитивным или негативным. А самопроявление сегодняшнего дня во многом обусловлено прошлым человека и его представлением о будущем. Стремление человека к чему-то в перспективе, к построению желаемого образа «Я» проявляется в его готовности и способности учитывать все многообразие причинно-следственных связей, а также не исключать факторы, которые не были предусмотрены, но могут возникнуть на его жизненном пути. Следовательно, «возможное Я» обладает мотивирующей силой и тем самым определяет вероятностный вектор действий на определенный временной период.

М. Синнерелла в своих исследованиях акцентирует внимание на темпоральных аспектах социальной идентичности. Согласно позиции автора, построение «возможных Я» находится в тесной связки с оценкой вероятности их реализации. Выстраивая различные варианты перспектив, человек, как правило, опирается на имеющиеся представления о своих способностях и ресурсах, а также учитывает образцы, транслируемые его ближайшим окружением [123].

Соответственно, возможная социальная идентичность складывается как из индивидуальных, так и групповых мнений относительно возможных вариантов членства в различных социальных группах в прошлом и будущем с учетом вероятных последствий. В этой связи вполне обоснованным представляется определение «возможного Я» через представление прошлого и будущего социальной группы, к которой он принадлежит или планирует присоединиться. Получается, что стремление реализовать конкретное планируемое «возможное Я» активизирует человека, «подталкивает» его к выбору потенциальных стратегий достижения определенной идентичности. Верным будет и обратное: убеждение в необходимости реализации той или иной социальной идентичности может способствовать изменению содержания «возможного Я». Получается, представления о себе в будущем оказывают влияние на содержание достигнутой социальной идентичности, а пер-

спективы в сфере социальной идентичности воздействуют на содержание «реального Я».

В свете выдвинутой концепции М. Синнерелла приходит к общему выводу, согласно которому «возможное Я» и «возможная социальная идентичность» культурно обусловлены. При этом в индивидуалистических культурах, исходя из их специфики, будут преимущественно выражены «возможные Я», а в культурах с коллективистской идеологией — «возможные социальные идентичности».

Таким образом, можно констатировать, что временной аспект образа самого себя рассматривается как в отечественной, так и зарубежной литературе. Практически все ученые, несмотря на использование различной терминологии, говорят о направляющей энергии «будущего Я». Стимулирующий характер «будущего Я» во многом определяется вероятностью его достижения или, по крайней мере, возможностью приблизиться к нему. Так, «возможное Я», являясь отражением как ожиданий, так и страхов, всегда в качестве сопутствующего эффекта предполагает переживание потенциальной жизненной ситуации изнутри. Имеющийся субъективный опыт с различной долей вероятности позволяет человеку предположить результативность конструирования «возможного Я» с учетом принимаемых решений и совершаемых действий. Как отмечает Х. Маркус и П. Нуриус, через отбор и конструирование «возможных Я» человек предстает в качестве создателя собственного развития [136].

«Идеальное Я», ориентированное, как правило, на положительные качества личности и социальные нормативы, также устремлено в будущее, но оно изначально рассматривается как некий недостижимый образ, к которому можно лишь приблизиться. «Фантастическое Я», наполненное желаемыми образами себя вне контекста индивидуальных особенностей и объективных обстоятельств, характерно для взрослеющей личности, а с возрастом, когда человек становится более реалистичным, его роль постепенно свертывается, угасает. «Динамическое Я» также подвержено изменениям, но в основе этих трансформаций — поставленные цели в свете достигнутых успехов и неудачных начинаний.

Между тем в работах ученых не только подчеркивается значимость каждого из временных аспектов в процессе становления личности, но и акцентируется внимание на возможных проблемных зонах, обусловленных превышением допустимых границ расхождения между существующими образами «Я».

Определенно это связано с самонаправленностью всего процесса формирования образа себя как в собственном представлении, так и в глазах окружающих людей. По словам Р. Берна, не придавать серьезного определяющего значения отношению со стороны окружающих не так уж и сложно, поскольку в арсенале человека имеется набор различных психологических защит. Конечно же они не решают существенных проблем, но помогут на каком-то этапе ослабить силу действия неприятных ситуаций. В тех же случаях, когда речь идет об отношении к самому себе, действие простых манипуляторных техник может оказаться бесполезным [14].

Согласно К. Роджерсу, несоответствия в «Я-концепции», субъективно воспринимаемые личностью как неприемлемые, проявляются в его переживаниях и поведении и, в конечном счете, отражаются на самочувствии. Несоразмеримость индивидуального опыта и представлений человека о самом себе вызывает у него тревогу, депрессию, расстройств согласованность, подавленность и другие негативные проявления, которые зачастую могут быть преодолены только посредством психотерапевтического процесса. Подобного рода ситуации также характеризуются, по словам К. Роджерса, застоем в саморазвитии и нарушением процесса восприятия и оценки переживаемых событий. В свою очередь переход от «Я-реального» к «Я-идеальному», освобождение себя от негативных, неприемлемых частичек «Я» свидетельствует о процессе личностного роста [86].

К. Хорни также отмечает, что согласованность «Я-реального», «Я-идеального» и «Я в глазах других» указывает на нормативность личностного развития и устойчивость личности к неврозам. Значительное расхождение между «Я-реальным» и «Я-идеальным» приводит к негативному самовосприятию и неуверенности в себе, мешает нормальному развитию, то есть является фактором невротизации. К неврозу приведет и несоответствие актуального образа «Я» с тем, каким человека видят окружающие. Причем в этом случае негативные последствия могут быть вызваны как чрезмерным восхищением человеком, его переоцениваем, так и пренебрежительным, недоброжелательным отношением к нему. И в том и в другом случае человек сталкивается с нереалистичными установками и ожиданиями в отношении него [108].

В теории несоответствия самому себе, основанной Э. Хиггинсом, также делается акцент на дискомфорте, переживаемом человеком в связи с очевидным различием между «реальным Я» и «идеальным

Я». Диссонанс, вызванный тем, к чему стремится человек, и тем, что получает, свидетельствует о нереализованных амбициях и приводит к нежелательным последствиям в виде депрессии, разочарования, меланхолии, тревоги. Ведь изначально, согласно данной теории, человек на протяжении всей жизни учится хорошо выполнять принятые на себя обязательства, чтобы предотвратить возможные нежелательные последствия в форме наказания за деструктивное поведение или недостигнутый ожидаемый результат. Предполагается, что гармоничное устойчивое самоотношение обеспечивается действием двух основных мотивов: мотивом самоуважения и потребностью в постоянстве образа [131].

Напряжение между «актуальным Я» и «идеальным Я», по мнению Г. Флетта и П. Хьюта, ярко проявляется, когда речь идет о таком качестве, как перфекционизм. Для перфекциониста характерны завышенные стандарты по отношению к себе и результатам своей деятельности. Стремление к совершенству, безупречному выполнению поставленных задач делает его чувствительным к малейшим ошибкам, отклонениям от намеченного плана в контексте темпорального восприятия себя, приводит к множеству негативных последствий. Так, например, если перфекционист не смог в прошлом достичь совершенства и не реализовал себя в настоящем, то велика вероятность того, что он будет находиться в депрессии. Проявление тревожности будет ему свойственно, если он считает, что не достигает совершенства в будущем [127].

Таким образом, анализ научных воззрений демонстрирует, что в научном сообществе бесспорно признается факт существования временных аспектов «Я». Триада, состоящая из «Я-прошлого», «Я-настоящего» и «Я-будущего», составляет целостную систему представлений о себе, где каждый компонент имеет свое содержание и выполняет ряд функций.

Анализ свершившегося, с точки зрения причинно-следственных связей, осознание значимости всего, что когда-то происходило в контексте тех индивидуальных особенностей, которые были свойственны человеку в тот момент, свидетельствуют о принятии себя в прошлом. Нежелание и неготовность узнавать свой «прошлый образ» или, напротив, его абсолютизация будут указывать на наличие проблем, разрешение которых затруднено. Отказ от «прошлого Я» или застраивание на данном образе будут выступать серьезным препятствием на пути познания себя в настоящем.

«Я-настоящее» сконцентрировано на том, каков человек сейчас, какими качествами он обладает, какие решения принимает и как воспринимается «здесь и сейчас». Актуальный образ себя, позиционирование его окружающим в той или иной мере, осознанно или бессознательно, основывается на занимаемой социальной позиции, на тех достижениях и неудачах, которые воспринимаются личностью как показатели ее успешности и состоятельности. Недовольство собой, обусловленное объективными или субъективными причинами, может как способствовать саморазвитию личности, так и выступать в качестве его препятствия. В то же время переоценивание своих возможностей может без промедления отразиться не только на результате деятельности и самовосприятии, но и на оценке со стороны окружающих, что в свою очередь рано или поздно повлияет на самооценку личности.

Проецирование себя во временном континууме наделяет «будущее Я» мотивирующей силой. Как правило эта сила направлена на построение запланированного образа посредством раскрытия имеющихся ресурсов и поиска возможных резервов личностного роста. Однако не исключены и случаи, когда восприятие будущего и себя в немстораживает человека, а порой и пугает. Безднадежность, неверие в себя и свое окружение делает человека уязвимым перед лицом неизбежных изменений, продиктованных закономерностями временного континуума жизни.

Как видим, напряжение, вызванное рассогласованностью между структурными компонентами «Я» («Я-прошлое», «Я-настоящее» и «Я-будущее») сигнализирует о наличии проблемных зон, с которыми личность в силу различных обстоятельств не может справиться в данный момент. Вместе с тем следует отметить, что у каждого человека в запасе всегда имеются ресурсы для гармонизации самовосприятия. Вопрос лишь в том, насколько он сам в этом заинтересован, и каково его ближайшее окружение, готово ли оно своевременно оказать ему столь необходимую поддержку.

Глава 2. Взаимодействие «Я» и «Другого» как механизм интеграции личности в общество

2.1. Специфики взаимодействий личности на уровне «Я — Другой»

Взаимопонимание между людьми в различных ситуациях взаимодействия осуществляется в контексте условий полноценного и эффективного существования в общественных отношениях отдельной личности или группы людей.

Общество нуждается в проявлении антропоцентрированной жизненной позиции личности, позволяющей принимать многообразие мира, разнородность людей и осуществлять свободу выбора, учитывая точку зрения Другого.

Социально-психологические умения и навыки личностно-ориентированного полисубъективного взаимодействия с Другими в современном обществе ориентируют на субъективное благополучие каждой личности, на открытость во взаимодействии и сопереживание Другому, уважение к нему, на глубокое самопознание и самопринятие конкретной личности.

На современном этапе повышается интерес к приватной жизни Другого. Такое внимание можно увидеть в потреблении медиапродукции (ток-шоу, развлекательные программы и т. д.), связанной с частной жизнью Другого.

В настоящее время проблема взаимодействия в системе «Я — Другой» разрабатывается различными отечественными учеными. Так, А. Н. Леонтьев, В. П. Сериков, С. Д. Смирнов рассматривали представления о ментальных репрезентациях как элементах образа мира. А. В. Брушлинский, Л. М. Веккер, М. А. Холодная, Н. И. Чуприкова, Ф. Бартлетт, Е. Ю. Атремьева, У. Найссер исследовали психические свойства субъекта, зависящие от предшествующего опыта и целей деятельности (Д. А. Ошанин, Ж. Ф. Ришар, В. Д. Шадриков).

А. Н. Леонтьев, рассматривая понятие «образ мира», отразил в нем феноменологию познавательной деятельности человека. Психические отражения проявляются в сознании благодаря значимой информации для регуляции деятельности. Пространство и время образа мира имеют субъективное понимание, с помощью которого личность выстраивает взаимодействие в системе «Я — Другой» [57].

В. П. Сериков, основываясь на схему макроструктуры деятельности А. Н. Леонтьева, системно-структурного строения мыследеятельности Т. П. Щедровицкого, разработал схему структуры образа жизни как системы деятельностей человека. Схема включает в себя три уровня активности субъекта:

- уровень внутренней деятельности, предполагает субъективность пространства и времени;
- уровень коммуникации, позволяющий установить конвенциональность пространства и времени;
- уровень практической деятельности, ориентирует субъекта на конструирование пространства и времени.

Образ мира и образ жизни представляют собой систему, в которой все происходит друг для друга и детерминируется друг другом.

П. Тиллих считает, что человек отличается от других живых существ тем, что он может понимать и формировать свой мир и самого себя в соответствии со смыслами и ценностями. Ученый отмечал, что человек живет «внутри» смыслов, внутри того, что имеет значимость. Если человек утрачивает духовный центр, то утрачивается и смысл человека, вследствие чего появляется тревога и сомнения [96].

М. Бахтин анализировал смысловую организацию жизни и указывал, что смысл дает человеку вневременную опору. Смысл является сильнейшим мотиватором, который преобладает над материальной силой и физическими процессами [12].

В. Дильтей охарактеризовал переживания как одну из составляющих анализа жизни в целом. Переживания позволяют человеку осмысливать жизненные явления и интерпретировать смысл жизненных проявлений. По-настоящему человека можно понять через осознания смысла его жизненных проявлений во внешней форме [32].

Ученик В. Дильтейя Э. Шпрангер охарактеризовал понятие «смысловая связь», которая осуществляет связь индивидуального опыта с ценностями человека. Понимание смысла необходимо для понимания психологии человека.

В. В. Налимов отмечал, что человек может существовать лишь погружаясь в мир смыслов, проявление которых будет в культуре будущего [73].

С. Д. Смирнов, рассматривая взаимодействие в системе «Я — Другой», выделил основные характеристики образа мира, наделяющие смысловую структуру психики [93]:

1. Амодальность образа мира. Здесь личность пытается установить значение и смысл за счет продуктов общественно исторического процесса, выражающегося в понятиях, языках, предметах культуры, общественным нормам. Эти знания позволяют человеку познавать что-то новое и управлять поведением. Поэтому можно утверждать, что образ мира отражает будущее и представляет собой систему личностных экспектаций, ориентирующих на события будущего, которые произойдут в условиях человеческого бездействия или при совершении каких-то действий и поступков.

2. Целостный характер образа мира. Эта характеристика свидетельствует о том, что образ мира формируется как целое, которое отражает элемент образа мира, определенной реальности.

3. Многоуровневая структура образа мира. Вслед за А. Н. Леонтьевым С. Д. Смирнов также различает в структурном плане ядерные и поверхностные структуры образа мира. Он считает, что образ мира представляет собой ядерное образование, которое является чувственным показателем восприятия картины мира.

4. Эмоционально-личностный смысл образа мира. Образ мира представляет собой систему прогнозов и экстраполяций, которые воспринимаются человеком и избирательно откладываются в индивидуальной картине мира. Избирательность зависит от осуществляемой субъективной деятельности и потребностей личности.

5. Вторичность образа мира по отношению к внешнему миру.

В генетическом аспекте первичным является непосредственный практический контакт субъекта с окружающей средой и другими людьми. Индивидуальный образ мира выступает вторичным продуктом по отношению объективного внешнего мира.

С. Д. Смирнов рассматривает понятие «образ мира» в контексте рационального познания — мышления. Анализируя различные концептуальные изыскания ученых по этой проблеме, автор в рамках когнитивистской парадигмы выделяет такие понятия в образе мира, как картина мира, представление о себе и вселенной, модель универсума. Данные понятия понимаются как совокупность образов отдельных предметов и явлений, выступающих в качестве первичных по отношению к ней [93].

В научной литературе разделяют понятие «образ мира» и понятие «представление о мире». В. В. Петухов образ мира связывает с восприятием, а представление о мире проявляется в мыслительных процессах.

Механизм функционирования человеческого сознания обеспечивает процесс формирования представлений о мире.

А. В. Брушлинский утверждал, что субъект представляет собой набор природных, социальных, общественных, индивидуальных качеств. В обществе первично воспринимаются социальные качества, которые обеспечивают групповое взаимодействие, активность личности [18].

Автор отмечает, что до формирования у новорожденного младенца простейших действий во внутриутробном периоде сначала возникают первичные психические (сенсорные) явления, регулирующие в дальнейшем практические действия младенца. По мере развития личности в практической деятельности выделяется познавательная деятельность, которая совершенствуется и поднимает специфику деятельности на новый высокий уровень. Эту деятельность А. В. Брушлинский называет единой деятельностью, которая обеспечивает индивидуальную и групповую деятельности. Мышление, совесть, свобода, творчество и т. д. находятся за пределами наглядно-чувственных соотношений и позволяют человеку вырабатывать «механизм» саморегуляции, помогающий осуществлять различные виды деятельности в социуме. Такой процесс возможен только в процессе социального взаимодействия на уровне «Я — Другой» [18].

М. А. Холодная, анализируя представления о креативности личности, описывает подходы Л. М. Веккера, в рамках которого рассматривается понятийное мышление, влияющее на качество высшего уровня организации познавательной сферы человека. Благодаря взаимодействию личности с социумом расширяются представления о мире и обогащается познавательная сфера. М. А. Холодная отмечала, что словесно-речевая, визуально-пространственная, сенсорно-эмоциональная, мнемическая, аттенционная составляющие влияют на когнитивную деятельность и обеспечивают человеку развитие интеллекта [106].

Е. Ю. Артемьева выделила три слоя структурного субъективного опыта:

- поверхностный слой — это перцептивный мир, в котором есть множество упорядоченных друг относительно друга объектов.
- семантический слой — на нем происходит взаимодействие с объектами, и психика фиксирует многообразие социальных отношений, где преобладают атрибуты (хороший/плохой и т. д.);
- глубокий слой — в нем преобладают амодальные структуры, при переработке информации образующие семантический слой.

Эти слои формируют категориальные системы, позволяющие субъекту выстраивать картину мира и взаимодействовать с другими [9].

Субъективный опыт формирует субъективное благополучие личности.

По мнению Р. М. Шамионова [112], субъективное благополучие личности можно рассматривать с двух точек зрения: стороны проблемы самосознания («от личности») и со стороны содержания как условия субъективного благополучия и его вариативности (что обычно связывается с профилактикой функциональных нарушений, процесс, идущий «к личности»).

Субъективное благополучие личности, по мнению Р. М. Шамионова [112], включает:

социально-нормативные ценностные установки, реализация которых предопределена всей совокупностью условий социализации как в субъективном, так и в объективном планах;

реализацию потребностей, имеющих социальный контекст;

глобальную оценку своего существования на основе соотнесения частных и обобщенных представлений о своей жизни и самореализации в ней с «эталонными представлениями», усвоенными в процессе социализации.

Р. М. Шамионов предложил структуру факторов, оказывающих влияние на степень психологической удовлетворенности и благополучия:

- мотивационные: достижения, признание, рост, качество жизнедеятельности;
- содержательные: содержание жизни и деятельности, взаимоотношения с другими;
- гигиенические: условия жизни и деятельности, экология;
- когнитивные: знания о мире, себе, жизни и деятельности, их соотнесение и оценка;
- эмоциональные: локус между валентностями отношения к себе, миру, жизни и деятельности, отражение внешней оценки [112].

К. Рифф [140] обозначила шесть критериев психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост.

Личностный рост. Этот личностный аспект предусматривает стремление развиваться, учиться и воспринимать новое, а также ощущение собственного прогресса. Если личностный рост по каким-либо

причинам невозможен, то следствием становится чувство скуки, отсутствие веры в свои способности к переменам, овладению новыми умениями и навыками.

Самопринятие. Этот аспект отражает позитивную самооценку себя и своей жизни в целом, осознание и принятие не только своих положительных качеств, но и недостатков, противоположностью самопринятия выступает чувство неудовлетворенности собой, которое выражается в неприятии определенных качеств своей личности, неудовлетворенности своим прошлым.

Управление окружающей средой. Этот аспект связан с наличием качеств, обуславливающих успешное овладение различными видами деятельности, способность добиваться желаемого, преодолевать трудности на пути реализации собственных целей. Если же существует недостаток этой характеристики, то у человека наблюдается ощущение собственного бессилия и некомпетентности, неспособность что-то изменить или улучшить в жизни.

Автономия. Человек, обладающий этим высоким показателем, способен быть независимым, он не боится противопоставить свое мнение мнению большинства, может позволить себе нестандартное мышление и поведение, он оценивает себя исходя из собственных предпочтений. Отсутствие достаточного уровня автономии ведет к конформизму, излишней зависимости от мнения окружающих.

Цели в жизни. Наличие жизненных целей сопряжено с чувством осмысленности существования, ощущением ценности того, что было в прошлом, происходит в настоящем и будет происходить в будущем. Отсутствие целей в жизни влечет ощущение бессмысленности, тоски, скуки.

Позитивные отношения с окружающими. Характеризуется умением сопереживать, способностью быть открытым для общения, наличием навыков, помогающих устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми. Отсутствие этого качества свидетельствует о неспособности устанавливать и поддерживать доверительные отношения, нежелании искать компромиссы, замкнутости.

А. А. Бодалев, исследуя межличностное взаимодействие, считал, что познание и взаимное влияние людей друг на друга необходимо для реализации совместной деятельности. От того, как люди отражают и интерпретируют облик и поведение других, зависят характер взаимодействия людей, результат их деятельности. Познание людей происхо-

дит в общении и деятельности. Процесс общения выступает таким видом взаимодействия, в котором люди выступают в нем как объекты, так и субъекты. Общение, поступки, экспрессивные действия влияют на жизнедеятельность субъектов взаимодействия.

В процессе общения достигается взаимопонимание, слаженность действий, появляется способность прогнозировать поведения друг друга, возникают конфликты, моральные противоречия и т. д. Общение приводит к положительному или отрицательному результату. Положительный результат в общении сопряжен с объективным отражением информации, внимательным отношением ко всему происходящему в процессе контактирования. Отрицательный результат в общении неадекватно отражает информацию при общении, неправильно истолковывает информацию и приводит к разногласию.

Любой процесс межличностного взаимодействия осуществляется через механизмы социальной перцепции, в которые заложен образ мира, субъективное понимание окружающей действительности. Он зависит от таких ситуаций, как:

«Я — Он» — человек воспринимает другого индивида как отдельную личность.

«Я — Они» — человек воспринимает группу как единое целое.

«Мы — Они» — человек идентифицирует себя с группой и воспринимает другую группу на основе своей группы.

«Мы — Он» — группа воспринимает отдельного индивида.

Социальная перцепция позволяет воспринимать человеку себя, окружающих, социальные явления окружающего мира. Такое восприятие складывается на уровне чувств (ощущение, восприятие, представление) и на уровне мышления (понятие, суждение, умозаключение).

А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский в психологическом словаре социальную перцепцию определяют как восприятие, понимание, оценку людьми социальных объектов [82].

Социальное восприятие может быть межличностное, межгрупповое, самовосприятие. Как правило чаще всего рассматривают межличностное восприятие, которое позволяет интерпретировать и прогнозировать свои и чужие поступки.

Процесс социальной перцепции двусторонний: субъективный и объективный. Субъективный обеспечивает человеку восприятие информации, а объективный позволяет воспринимать другого человека, понимать его и вырабатывать совместные действия. Процесс воспри-

ятия всегда взаимный, так как каждый человек воспринимает, интерпретирует и оценивает другого, только верность оценок может различаться в связи с различным апперцептивным опытом личности.

Люди интерпретируют, понимают друг друга за счет механизмов социальной перцепции. К таким механизмам относят эмпатию, аттракцию, каузальную атрибуцию, идентификацию, социальную рефлексию.

Механизм эмпатии позволяет понимать эмоции, чувства, переживания других людей. Но если человек не переживал того, что переживает другой человек, то ему труднее будет постигать смысл тех эмоций, которые исходят от другого человека. Не всегда когнитивного опыта хватает для понимания смысла чувств другого человека, нужен личный опыт. В связи с этим можно отметить, что эмпатия развивается в процессе жизни человека как способность понимать эмоциональное состояние другого.

Механизм аттракции обеспечивает восприятие и познание другого человека за счет формирования устойчивого позитивного чувства по отношению к воспринимаемому человеку. А. Маслоу считал, что этот механизм позволяет увидеть самое лучшее в человеке и понять его достойные личностные качества.

Механизм аттракции проявляется в трех аспектах:

- процесс формирования привлекательности другого человека;
- результат данного процесса;
- качество отношений.

Данный механизм позволяет человеку проявлять избирательные межличностные отношения, проявляющиеся во взаимной привязанности субъектов общения.

Механизм каузальной атрибуции позволяет установить причинность поведения человека. При этом объяснение причин зависит от субъективного опыта и не всегда совпадает с действительностью. Т. Шибугани анализировал критичность и доброжелательность человека, так как у каждого есть отрицательные и положительные черты личности, особенность поведения и от этого зависит адекватность восприятия. В зависимости от ситуаций человек одни и те же действия может трактовать по-разному.

Процесс идентификации запускает рациональность мышления, и человек воспринимает другого не на основе эмоций, а на основе понимания другого, постижения личностных смыслов деятельности другого. С помощью идентификации запускается механизм социальной

рефлексии, позволяющий понимать субъекту свои индивидуальные особенности и их внешние проявления. Человек может анализировать, как воспринимают другие его поведение. На основе различного реагирования окружающих на поступки, можно сформировать образ «социального Я», в котором будут заложены привлекательные или отталкивающие характеристики социального поведения субъекта. Воспринимаемый и передаваемый образ проявляется в имидже человека.

Можно выделить три уровня воспринимаемого образа: биологический, психологический, социальный.

Биологический обеспечивает восприятие пола, возраста, состояние здоровья, физических данных, конституции и темперамента.

Психологический уровень позволяет анализировать волю, интеллект, эмоциональное состояние.

Социальный уровень состоит из сплетен, слухов о человеке.

Психологи считают, что самая значимая информация о человеке является первичная и последняя. Эффект первичности проявляется при знакомстве с человеком и тот образ, который будет воспринят останется надолго в памяти человека и последующая информация будет накладываться на первичный образ. Если человек знаком другому человеку, то наиболее значимой будет восприниматься последняя информация о нем.

Помимо этого большую роль играет эффект положительного или отрицательного ореола. Если при знакомстве с человеком мы получили дополнительную информацию о нем, то она может оказать влияние на формирование образа при знакомстве. Объективно будет тяжело воспринимать человека, так как эффект ореола подсознательно перекодирует получаемую информацию. Имея отрицательный образ, человек никогда при первой встрече не заметит положительных характеристик.

Педагог А. С. Макаренко, работая с несовершеннолетними правонарушителями, никогда не читал личных дел, для того чтобы не сформировать заранее у себя образ того человека, с кем будет знакомиться. Он не хотел сразу формировать негативный образ несовершеннолетнего преступника, а пытался с помощью процесса идентификации рационально воспринимать новый образ человека.

Большую роль в социальной перцепции отводится стереотипам, позволяющим обобщать какое-либо явление, переходящее в устойчивые убеждения и влияющие на систему отношения человека, его способы

поведения, мышление, суждения. Формирование стереотипов происходит в процессе стереотипизации.

Стереотипизация необходима человеку, так как она упрощает образы в шаблонных социальных ситуациях при взаимодействии с близкими или знакомыми людьми. Стереотипы экономят психическую энергию, время реагирования на ситуацию и ускоряют процесс познания. Привычки, стереотипные действия обеспечивают автоматизированный процесс, и человек не задумывается над своими поступками. В процессе социальной адаптации человек должен уметь анализировать стереотипное поведение и гибко корректировать его в случае необходимости, преодолевать свои стереотипы.

У. Липпман считал, что познавательные способности человека ограничены, он не может знать все, быть информированным во всех областях внешней информации, так как окружающая действительность изменчива и сложна. Для того чтобы понять разнообразие окружающего мира, человек систематизирует знания в категории, стереотипы, с помощью которых он может приспособиться к социальному окружению. Стереотипы выступают в виде укладов, верований, учений и т. д. и проявляются в виде социальной реальности [60].

А. Реан разработал классификацию стереотипов [84]:

Антропологический стереотип — оценка психологических качеств, личности человека зависит от специфики внешнего вида, антропологических признаков.

Этнонациональный стереотип — оценка личности человека зависит от этнической принадлежности к этнической группе, расе, нации.

Социально-статусный стереотип — оценка личностных качеств зависит от его социального статуса.

Социально-ролевой стереотип — оценка личности подчинена социальной роли и социальным функциям индивида.

Экспрессивно-этический стереотип — психологическая оценка личности зависит от внешней привлекательности человека.

Вербально-поведенческий стереотип — оценивается мимика, пантомимика, язык.

Стереотипизация формирует социальную установку, влияющую на готовность человека воспринимать действительность определенным образом. Установка проявляется в виде фильтра, который с позиции доверия или недоверия анализирует поступающую информацию.

Д. Н. Узнадзе считал, что социальная установка влияет на избирательную активность человека и влияет на направления его деятельности. Социальная установка регулирует смысловой, целевой, операциональный уровни деятельности [99].

Смысловой уровень деятельности позволяет установить отношение личности к значимым объектам.

Целевой уровень обеспечивает стремление человека довести начатое до конца. От него зависит устойчивость протекания деятельности.

К. Левин ввел понятие «эффект незавершенного действия», когда протекание деятельности прервано, но мотивация сохраняется на целевом уровне, и сохраняется готовность продолжить прерванную деятельность.

Операциональный уровень обеспечивает принятие решения в конкретной ситуации. На основе прошлого опыта поведения субъекта в определенной ситуации происходит прогнозирование возможных вариантов эффективного поведения.

Ж. Годфруа описал этапы формирования социальных установок в процессе социализации личности. Так, до 12 лет установки только развиваются на основе родительских моделей. С 12 до 20 лет установки конкретизируются и приобретают конкретную форму в процессе усвоения социальных ролей. От 20 до 30 лет социальные установки кристаллизуются на основе убеждений, которые являются устойчивыми психическими новообразованиями. К 30-ти годам установки стабилизируются, фиксируются и практически не изменяются в дальнейшем [25].

Таким образом, межличностное взаимодействие людей, их познание друг другом проходят через различные психологические механизмы, влияющие на восприятие образа «Другого», и определяются системой конкретных общественных отношений.

2.2. Психологическое благополучие и социальное самочувствие личности

Социализация личности в обществе осуществляется за счет социального самочувствия и психологического благополучия. От этих дефиниций зависит успешность социально-психологической адаптации личности, которая в процессе социализации сформировала ценностно-смысловую сферу личности.

К. Рифф рассматривает психологическое благополучие как «полноту самореализации человека в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах, нахождение „творческого синтеза“ между соответствием запросам социального окружения и развитием собственной индивидуальности». Благодаря исследованиям становится возможным определить приоритетные области развития, наиболее актуальную сферу деятельности и психологические способы, с помощью которых человек старается достичь желаемого. Счастье есть процесс самореализации [140].

По мнению П. П. Фесенко, психологическое благополучие строится на трех аспектах психического явления: когнитивном, поведенческом и эмоциональном. Это интегральная величина, которую необходимо изучать, основываясь как на субъективном, так и на объективном измерении [102].

Психологическое благополучие — это понятие, отражающее субъективное отношение индивида к своей личности, жизни и протекающим в ней процессам, к своим потребностям и степени их удовлетворения, обусловленное социально принятыми и усвоенными нормами, выраженное в степени удовлетворенности.

Важным является рассмотрение структурных компонентов психологического благополучия. В настоящее время выделяют три главных компонента: физическое, психологическое и социальное. Данное разделение отражает подходы психологов к внутренней структуре личности: физическое «Я», социальное «Я» и духовное «Я» [102].

П. П. Фесенко отмечает, что профиль психологического благополучия меняется с возрастом, однако такие параметры, как позитивные отношения с другими и самопринятие остаются постоянными на протяжении всего жизненного цикла [102].

Также важным индикатором психологического благополучия является удовлетворенность в разных сферах жизни как внешней, так и внутренней — удовлетворенность материальным достатком, собой, деятельностью, отношениями с окружающими и др.

Т. Д. Шевеленкова и П. П. Фесенко обозначили основные функции психологического благополучия как таковые:

- функция *адаптации*, это регулятивная функция, которая заключается в регуляции внутреннего самоотношения, самочувствия, взаимоотношения с внешним миром,

- функция *управления когнитивными процессами*, обеспечивающими адаптацию и интеграцию личности в социуме;
- *поведенческая* функция, заключающаяся в выборе стратегий поведения и зависимости от локуса благополучия и направленности личности;
- функция *развития*, обеспечивающая творческое движение, как в сторону саморазвития, так и в сторону обеспечения внешних условий для удовлетворения высших потребностей и приведения всей системы в равновесие [114].

К. А. Абульханова-Славская считает, что осуществляя определенную деятельность человек действует за счет разнообразных общественно необходимых форм, позволяющих решать общественно необходимые задачи. Активность человека проявляется в поиске оптимальных путей решения задачи [1].

Человек всегда стремится оптимально согласовать внешние и внутренние условия осуществляемой деятельности, и поэтому проявляет разные уровни активности — психическую, социально-психологическую. От активности зависит продуктивность деятельности. Оптимально согласованная деятельность позволяет повышать, умножать психическую и личностную активность.

Общественная жизнь позволяет передать человеку опыт организации деятельности, обеспечивает социальную регуляцию деятельности личности (нормы, условия, временной режим). Общественная регуляция деятельности осуществляется в совокупности с индивидуальной регуляцией человека и саморегуляцией. Такое сочетание зависит от активности субъекта. Зависимость личности от общественного взаимодействия влияет на жизненный путь субъекта и создание своего стиля осуществления деятельности.

Значимым для личности в осуществляемой деятельности является возможность самовыражаться, которая формирует личностную мотивацию деятельности. Ценность деятельности изменяется на протяжении всей жизни человека. На эти изменения влияют реализованность в профессии, удовлетворенность своими достижениями.

В. Н. Мясищев, В. А. Журавель показали тесную взаимосвязь психических состояний и человеческих отношений, подчеркнув, что вся психическая деятельность людей во многом определяется отношением человека к объектам и процессам действительности, к другим людям, к самому себе [72].

Согласно научным выводам И. Р. Сушкова, новое качество субъекта зарождается в процессе его взаимодействия с социумом как следствие перестройки внутренней структуры субъекта, вызванной требованиями взаимодействия. Новое качество является продуктом обмена, происходящего в процессе функционирования компонентов взаимодействия как элементов системы, в которую они включены. Перестройка внутренней структуры субъекта расширяет возможности взаимодействия и ведет к трансформации его цели. Так, обмен психологическими отношениями людей приводит к возникновению свойства социальности и создает потенциал для развития экспектаций личности. Это свойство в свою очередь порождает обмен взаимоотношений, в процессе которого повышается активность субъекта [95].

Г. М. Андреева отмечала, что в процессе взаимодействия Я — Другой происходит социализация личности, где человек приобретает социальный опыт. Она рассматривает социализацию с позиции двустороннего процесса, так как человек не только усваивает опыт, но и воспроизводит социальный опыт. Как правило социализация происходит через целенаправленные процессы, а именно — через систему воспитания и обучения. Но также преобладает в жизни человека стихийная социализация, осуществляемая через средства массовой коммуникации, социальные ситуации реальной жизни и т. д.

Поэтому социализацию можно рассматривать как внешний и внутренний процессы.

Внешний процесс представляет собой совокупность социальных воздействий на человека, регулирующие человеческие импульсы и влечения.

Внутренний процесс осуществляет формирование целостности личности. Исходя из этого, можно говорить, что социализация происходит за счет филогенетического и онтогенетического развития.

Г. М. Андреева отмечает, что социализация представляет собой двусторонний процесс, который с одной стороны обеспечивает усвоение индивидом социального опыта при взаимодействии с социальной средой; с другой стороны индивид в системе социальных связей воспроизводит свой субъективный опыт в активной деятельности [8].

Дж. Мид, Г. Блумер, Э. Гоффман, М. Кун утверждали, что развитие социальных потребностей происходит в процессе социализации при выполнении человеком определенных общественных ролевых функций. Социальные роли при этом рассматриваются в трех планах:

- в социологическом — как система ролевых ожиданий, т. е. в обществе преобладают социальные роли, которые должны формироваться у личности в процессе онтогенетического развития;
- в социально-психологическом — усвоенные роли личность исполняет и реализует в процессе межличностного взаимодействия;
- в психологическом — как внутренняя или воображаемая роль, не всегда реализуемая в ролевом поведении, но косвенно влияющая на нее.

Взаимосвязь этих трех планов представляет собой ролевой механизм личности, в котором ведущими выступают социальные ролевые ожидания (экспектации), определяющие поведение человека. Также система экспектаций проявляется и по отношению к другому человеку, в соответствии с его социальными ролями. В результате экспектации по отношению к себе и к другим позволяют личности успешно проходить социализацию, осознавая значимость и ответственность собственных действий и поступков [67].

Рассматривая процесс социализации личности в контексте партиципационной готовности к взаимодействию с окружающими людьми, можно отметить, что благодаря активному взаимодействию личность получает жизненный опыт, необходимый для личностного и профессионального самоопределения.

Современная молодежь в процессе социализации получает когнитивный опыт взаимодействия в инклюзивном пространстве, который влияет на социальное самочувствие взрослеющей личности. На основе данного обстоятельства формируется социальная установка по восприятию своих сверстников, имеющих ограниченные возможности здоровья.

Согласно позиции основоположника социального психоанализа Э. Фромма, субъективно переживаемое человеком благополучие выражает его позитивную связь с людьми, природой, а также выступает предиктором преодоления отчужденности, стремления к единым переживаниям с окружающим миром.

В междисциплинарном исследовании Ж. Т. Тощенко отмечается, что социальное настроение является промежуточным звеном между объективным миром и человеческой деятельностью. Оно формируется в процессе научения, в эмоциях, чувствах, ощущениях и представлениях [98]. В психологическом исследовании, проведенном группой ученых под руководством Л. Я. Рубиной, социальное самочувствие рассматривается как целостная, относительно устойчивая, всегда эмоцио-

нально окрашенная реакция человека на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности [88]. Оно выступает результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения и самореализации. Современный социолог А. А. Возмитель отмечал, что «социальное самочувствие» возникает в результате взаимодействия способов и стилей жизни [24].

По мнению Г. М. Мкртчян, «социальное самочувствие» выступает в одних случаях в качестве ускорителя, катализатора, а в других, наоборот, в качестве сдерживающего рычага социальной деятельности индивидов и социальных групп. Оно зависит от многих обстоятельств, охватывающих совокупность политических, экономических, социальных и духовных процессов, а также структуры психики личности и психосоциальных отношений между людьми [69].

В рамках социологического подхода социальное самочувствие рассматривается сквозь призму внешних детерминант (социокультурных, экономических, политических). В работах О. Л. Барской, Б. А. Грушина, А. К. Уледова и других ученых отмечается, что социальное самочувствие составляет отрефлексированное личностью влияние социума. Поэтому можно утверждать, что личность человека не является автономной, она выступает продуктом социально-психологических взаимодействий. Иными словами, общество влияет на личность, а личность (безусловно, в разной мере включенности) влияет на общество.

В трудах Е. И. Головахи, Б. Д. Парыгина, Л. Е. Петровой, Н. В. Паниной социальное самочувствие определяется как индивидуально-личностная характеристика состояния человека, сформированная под влиянием объективной реальности и субъективного анализа человека эффектов данного воздействия.

Е. И. Головаха важным критерием социального самочувствия выделял отношение к временной перспективе [26]. Ученый акцентирует внимание на показателе временной организованности/деорганизованности, способной оптимизировать или снизить социальное самочувствие личности. Субъективное восприятие временной перспективы отражает, как правило, не только личностные экспектации, полностью/дефицитарность ресурсов, укорененность/отчужденность семейных,

дружеских, коллегиальных контактов, но и модальность психологического и физического здоровья личности.

Современная исследовательница О. В. Ляковская, рассматривая вопрос о сущности социального самочувствия, уточняет, что данное состояние напрямую зависит от социальных изменений в обществе. Автор аргументирует свое предположение тем, что личность всегда стремится к лучшему, к позитивным изменениям, ожидаемым от административных, политических структур общества. Кроме того, О. В. Ляковская указывает на важность и ситуативно-бытовых изменений эмоционального фона личности, так как те или иные социальные события разные люди оценивают не всегда с высокой степенью схожести. Подобный контекст трактовки социального самочувствия позволяет предположить, что чем менее инертны социальные процессы в обществе, тем меньше шансов на индивидуальный успех у личности и тем пессимистичнее его социальное самочувствие [62].

Б. Ф. Поршнев трактовал социальное самочувствие в широком контексте социального настроения, социальной активности личности и отмечал важность эмоционального фона в психологическом состоянии человека [81].

На социальное самочувствие личности влияют базовые убеждения, которые определяют жизненный вектор субъекта жизнедеятельности.

С точки зрения когнитивной психологии базовые убеждения личности рассматриваются в контексте базовых ощущений нормального человека, а именно — как здоровое чувство безопасности. По мнению американского психолога Р. Янов-Бульман, это ощущение основано на трех категориях базовых убеждений, составляющих ядро субъективного мира человека [42]:

1. Вера в то, что в мире больше добра, чем зла. Эта категория рассматривает отношение к окружающему миру вообще и отношение к людям.

2. Убеждение, что мир полон смысла. Обычно люди склонны верить, что события происходят не случайно, а контролируются и подчиняются законам справедливости.

3. Убеждение в ценности собственного «Я». Здесь основное значение имеют три аспекта: «Я хороший человек» (самоценность), «Я правильно себя веду» (контроль) и оценка собственной удачливости.

Базовые убеждения личности претерпевают серьезные изменения под влиянием перенесенных личностью травматических событий,

в результате которых основательно разрушаются привычные жизненные представления и схемы поведения. Экстремальный негативный опыт настолько противоречит существовавшей ранее картине мира, что его осмысление вызывает долговременные и тяжелые психологические проблемы. Чувство беспомощности и потери контроля над собственной жизнью может сохраняться еще долгое время.

По мнению Дж. А. Келли, процесс мышления человека протекает на основании формирования полярных утверждений, конструкторов [132]. Можно выделить такие самые распространенные конструкторы, как: 1) смертность — бессмертие; 2) закономерность — случайность; 3) зависимость — независимость; 5) чувство общности с другими — одиночество; 6) осмысленность — бессмысленность; 7) безопасность — угроза; 8) беспомощность — всемогущество; 9) полноценность — ущербность. Стремление избегать неопределенности приводит к выбору по принципу «или — или», а стремление компенсировать тревогу, вызванную базисным конфликтом, и «принцип удовольствия» определяет выбор той или иной полярности. Как правило, субъективно человек предпочитает верить в закономерность и осмысленность происходящего, старается сделать картину мира более безопасной, определенной.

Стрессовое событие и то, что за ним следует, представляет собой опыт острого и внезапного столкновения убеждений личности с реальностью. Так, например, лица с ОВЗ постоянно сталкиваются с трудностями и подвергаются стрессу.

Исходя из этого, наиболее психологически значимыми характеристиками травматического стрессового события являются: 1) противоречие базисным убеждениям человека, связанным с его личностью, пересмотр которых воспринимается как угроза существованию; 2) неожиданность (как объективная, так и субъективная, когда человек в силу отрицания не допускал возможности события); 3) непоправимость происшедшего.

При определении показателей participационной готовности и социального самочувствия личности необходимо учитывать объективный и субъективный показатель. В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, Т. Ф. Маслова считают, что объективный показатель включает в себя различные аспекты эмоционально-оценочного отношения индивидов к реально существующим общественным возможностям и должен измеряться через достаточность/недостаточность объективных условий для реализации личностных притязаний [2]. Субъективный показатель отражает

оценку индивидом благополучия его собственной жизни и, соответственно, измеряется через удовлетворенность/неудовлетворенность личными жизненными достижениями. На этой основе молодые люди по-разному могут выражать свою партиципационную готовность к взаимодействию со сверстниками, имеющих ограниченные возможности здоровья.

2.3. Общественное положение лиц с ОВЗ и их социальное поведение

В современном обществе в массовое сознание внедряется инклюзивная среда, в которой каждый член общества с ограниченными возможностями здоровья имеет полноценное право проявлять себя как субъект межличностного взаимодействия в обществе. Государственная политика активно вводит в правовое поле различные законы, поддерживающие лиц с ОВЗ, но, к сожалению, российское общество еще не готово воспринимать лиц с ОВЗ как активных членов общества.

С. И. Кондратьева выделила макро- и микроуровни барьеров, препятствующих успешному внедрению инклюзивного пространства в образовательные организации. К факторам макроуровня она отнесла отношение педагогов с учащимися, имеющих ОВЗ. У педагогов преобладают профессиональные стереотипы в отношении обучающихся с ОВЗ, неготовность педагогов работать в однородной среде, отсутствие знаний об особенностях людей с ОВЗ [52].

А. де Боер, С. Дж. Пиджл, А. Минерт исследовали отношение педагогов к инклюзивному обучению в Европе. Было установлено, что в традиционных образовательных организациях преобладает нейтральное или негативное отношение у педагогов к инклюзивному обучению. Чаще всего педагоги связывали это с негативным опытом взаимодействия с обучающимися, имеющими ОВЗ [125].

С. Форлайн, Д. Чемберс еще в 1993 году исследовали отношение будущих педагогов (студентов) к тому, что они будут принимать участие в инклюзивном процессе. Они также установили личностные проблемы и негативные стереотипы у студентов к обучающимся с ОВЗ. Независимо от того, что студентам преподаются учебные дисциплины, связанные с законодательством, психокоррекцией, политологией, все равно присутствует внутреннее напряжение, связанное с отсутствием положительного опыта общения с обучающимися с ОВЗ [126].

Н. П. Артюшенко в своем исследовании, проведенном в 2010 году, установила, что большинство педагогов и родителей не готовы к интеграции обучающихся с ОВЗ в обычный учебный процесс. Сами дети, имеющие ОВЗ, испытывают дискомфорт, хотя здоровые сверстники положительно относятся к их пребыванию в классе. [11].

Адаптация детей с ОВЗ к совместному обучению может быть стабилизирующей, а может деструктивной. Все зависит от детей и отношения родителей к такому обучению.

Общественное положение лиц с ОВЗ рассматривают с позиции социального самочувствия как социально-психологического состояния, отражающего уровень интегрированности лиц с ОВЗ в обществе, его осознания и оценки себя, своего личностного потенциала, перспектив удовлетворения жизненно важных потребностей.

А. А. Дарган, обобщив исследования по социальному самочувствию, охарактеризовал его составляющие:

- оценка личностью уровня своей интегрированности в общество;
- самоидентификация;
- мировоззрение личности;
- социально-психологические характеристики личности;
- поведенческие установки личности.

Исходя из данных компонентов, А. А. Дарган выделяет критерии, характеризующие социальное самочувствие лиц с ОВЗ [28]:

1. Идентификационно-мировоззренческий критерий. С его помощью человек понимает свои самоощущения, осознает свой социальный статус как инвалида, понимает свои возможности и отношение общества к данной категории. Этот критерий отражает восприятие личности собственной инвалидности. С помощью этого критерия можно понять, как лица с ОВЗ представляют взаимоотношения с обществом, государством, что они ждут от социума, а также стратегии собственного поведения, модели социальной интеграции человека с ОВЗ. Данный критерий включает в себя следующие показатели:

- самоидентификация человека как «инвалида» (профессиональный, личностный, общественный социальный статус);
- уровень притязаний (жизненные ориентации, ценности, побуждения, устремления);
- принятие той или иной модели инвалидности в обществе;
- выбор стратегии социальной интеграции в общество.

2. Личностно-оценочный критерий. Критерий позволяет установить уровень удовлетворенности своих потребностей, психологическое благополучие лиц с ОВЗ. Критерий включает в себя следующие компоненты:

- удовлетворенность включенностью человека в общество — интеграционно-оценочный показатель;
- оценка социальной комфортности (эмоционально-оценочная реакция на социальные гарантии инвалидов);
- уровень социального оптимизма (настроенность на будущее лиц с ОВЗ).

3. Поведенческий критерий. В данном критерии проявляется активность/пассивность личности, поступки, стратегии интеграции в общество, социальная мобильность. В этот критерий включены такие компоненты, как:

- готовность человека с инвалидностью к реализации собственной стратегии интеграции в общество;
- оценка социальной мобильности;
- оценка социальной и гражданской активности.

Исходя из выделенных критериев, мы проанализировали современные психологические исследования за последние 5 лет, раскрывающие специфику удовлетворенности жизни людей с ОВЗ, для того, чтобы общество могло понимать внутренние переживания людей с ОВЗ, их восприятие жизни. Нас привлекли исследования, посвященные взрослым людям, которые нуждаются в полноценной жизни, но из-за различных социальных, материальных проблем не могут ее реализовать.

С. А. Хазова, Н. С. Шипова изучали качество жизни взрослых инвалидов с детства в возрасте 19—63 лет, проживающих в Костромской области [105]. Исследование было направлено на изучение субъективного благополучия и оценку качества жизни (физические и психологические функции, независимость, социальные отношения, окружающая среда, духовная сфера, качество своей жизни и здоровья, а также смысложизненные ориентации лиц с ОВЗ). Исследователи установили, что уровень субъективного благополучия у респондентов находится на высоком уровне. При этом некоторые респонденты отмечают, что испытывают напряжение, беспокойство, склонность к депрессивным состояниям, чувство одиночества, пессимизм, трудности к самоорганизации.

Выявляя смысложизненные ориентации, авторы установили, что в большинстве случаев респонденты не видят в жизни перспектив, живут сегодняшним днем, жизнь для них малоинтересна и эмоционально скудна, не удовлетворены своим прошлым и настоящим, не видят смысла в своей жизни. Исходя из разнообразных, противоречивых выводов, исследователи разделили респондентов на три группы: 1) с высоким чувством субъективного благополучия и отсутствием эмоциональных проблем; 2) со средним уровнем субъективного благополучия, где преобладают размытые цели в жизни и отсутствие уверенности в собственных возможностях; 3) с низким уровнем субъективного благополучия — неудовлетворенных качеством своей жизни.

Мы считаем, что такие противоречивые данные говорят о том, что для окружающих людей лица с ОВЗ пытаются транслировать положительное субъективное благополучие, но при этом внутренне испытывают душевный дискомфорт и бесцельность своей жизни.

Ж. А. Максименко исследовала представления людей с ОВЗ и инвалидностью о социально-психологических барьерах, снижающих качество жизни [63]. В ее исследовании были выделены социально-психологические барьеры: рентные установки, незнание инвалидами собственных прав и неосведомленность о доступных им реабилитационных и ортопедических средствах, неразвитость коммуникативной сферы людей с ОВЗ и инвалидностью, негативное или избегающее отношение окружающих к людям с ОВЗ и инвалидностью. Большинство респондентов с ОВЗ отметили из всех социально-психологических барьеров — неразвитость коммуникативной сферы людей с ОВЗ и инвалидностью. При обычных условиях коммуникативная сфера развивается в процессе интерактивного общения, а люди с ОВЗ в основном лишены такой возможности, их общение в основном связано с близкими окружающими людьми. Чаще всего люди с ОВЗ избегают общения с социумом из-за собственных страхов и опасений. Остальные выделенные факторы также имеют место быть в установках лиц с ОВЗ и они влияют на качество жизни респондентов. Данное исследование показывает и то, что субъективное благополучие и качество жизни находятся на низком уровне у людей с ОВЗ. Они ограничены в социальных отношениях и лишены возможности быть активными субъектами общественных отношений.

Л. Н. Фахрадова исследовала качество жизни инвалидов в Волгоградской области. Был изучен индекс материального благополучия,

индекс доступности объектов и услуг, индекс включенности в социум [101]. Автор установила, что индекс материального благополучия ниже среднего. Респонденты отмечали, что им не хватает денег на обычные нужды.

Индекс доступности объектов и услуг проявился как в уровне «ниже среднего», так и в уровне «выше среднего». Высокий индекс преобладает в сфере социальной защиты населения, информации и связи. Низкий уровень — жилой фонд, доступность транспорта, спорта и физкультуры.

Индекс включенности инвалидов в социум соответствует низкому уровню. Лица с ОВЗ формулировали отрицательные ответы в отношении к ним социума, готовности общества к participационному взаимодействию, ограниченности в свободном общении, независимости жизни.

Результаты данного исследования отражают показатели предыдущих исследований о том, что людям с ОВЗ не хватает активного взаимодействия с социальной средой. Информационный голод приводит к социальной закрытости, отчужденности и депрессии. Люди с ОВЗ теряют цели в жизни и пассивно существуют.

М. Б. Лига, И. А. Щеткина, З. Д. Пояркова проанализировали отношение инвалидов к реализации государственной программы «Доступная среда» в Забайкальском крае [59]. Инвалиды оценивали, насколько доступны для них объекты социальной, транспортной, инженерной инфраструктур; отношение населения к их проблемам. Было выявлено, что по уровню материального благополучия преобладает среднеобеспеченный слой. Большинство лиц с ОВЗ не знают или мало знают о программе «Доступная среда». Объекты и услуги социальной инфраструктуры оценены в относительно удовлетворительном результате. Лица с ОВЗ считают, что небольшая часть населения относится к ним положительно, в основном население равнодушно к их проблемам. Лица с ОВЗ по отношению к себе социума делают вывод, что общество не готово к participационному взаимодействию. Большинство лиц с ОВЗ не могут вести полноценный образ жизни. Таким образом, активная социальная жизнь, социальная инфраструктура являются труднодоступными для лиц с ОВЗ. Реабилитационные мероприятия в рамках государственной программы «Доступная среда» негативно оцениваются лицами с ОВЗ.

Т. В. Артемьева, В. В. Турусова исследовали уровень тревожности у умственно отсталых детей младшего школьного возраста. Большое число детей имеют высокую степень тревожности, в основном из-за ситуации игнорирования, изоляции, агрессивности со стороны окружающих и т. д. Дети проявляют застенчивость и боязливость в своем поведении, отмечалось преобладание нервозности. Детско-родительские взаимоотношения с такими детьми проявляются в типах «отвержение», «симбиоз» [10].

При типе «отвержение» родители демонстрируют недовольство ребенком, быстро раздражаются и стремятся изолировать его от общества.

При типе «симбиоз» родители чрезмерно оберегают ребенка, лишают его самостоятельности, опекают его и пытаются оградить от всех неприятностей. Родители считают, что здоровые дети не готовы принимать сверстников с ОВЗ.

Исследование показало, что умственно отсталые дети чаще всего проявляют тревожность при выраженном типе воспитания «отвержение». Такая родительская позиция активизирует у детей агрессивность, непослушание, склонность к асоциальному поведению.

А. А. Кулик исследовал личностные особенности паралимпийцев. Было установлено, что данные лица с ОВЗ проявляют высокую жизнестойкость, упорство, которое снижает внутреннее напряжение в стрессовых ситуациях. Жизнестойкость выступает как компенсаторная форма саморазвития, формирующая активную позицию личности в субъективной картине жизненного пути, и позволяет конструировать социальный мир, при непосредственном включении себя в этот мир [53].

У спортсменов-паралимпийцев сформирован личностный адаптационный потенциал, преобладает саморегуляция. Такие люди адекватно оценивают свои возможности, специфику выполняемой деятельности, реалистично воспринимают социальное взаимодействие и социальную поддержку. А. А. Кулик пришел к выводу, что преобладающий личностный потенциал у спортсменов-паралимпийцев обеспечивает им психологические условия восприятия качества жизни.

Т. В. Маликова, Д. Г. Пирогов сравнивали субъективную удовлетворенность жизнью паралимпийцев и обычных людей с ОВЗ, занимающихся профессиональным спортом. У паралимпийцев преобладает высокий уровень субъективной удовлетворенности жизнью, гармоничное отношение к болезни, но негативное восприятие своего прошлого, в связи с тем, что травматизация изменила жизнь кардинально [64].

Люди с ОВЗ, не занимающиеся спортом, свое прошлое воспринимают как жизнь до травматизации, а настоящее и будущее оценивается в контексте имеющихся ограничений.

Исследование показало, что паралимпийцы берут на себя ответственность за свое будущее, и тем самым это помогает им социально адаптироваться. У этих людей такие шкалы самооотношения, как самоинтерес, самоуважение, повышающие ценность собственной личности и уверенность в своих силах.

Паралимпийцы транслируют непродуктивное эмоциональное реагирование в стрессовых ситуациях, и поведенческий копинг проявляется на адаптивном уровне, а люди с ОВЗ, не занимающиеся спортом транслируют непродуктивное поведенческое реагирование в стрессе. То есть паралимпийцы могут внутренне эмоционально переживать стресс, но не показывать свое состояние социуму. Таким образом, спорт выступает одним из факторов социальной адаптации у лиц с ОВЗ.

О. А. Добрынина, М. А. Добрынина, исследуя психическое состояние инвалидов, влияющее на адаптационный потенциал личности, установили высокую тревожность у лиц с ОВЗ. Женщины и мужчины в возрасте 45—50 лет испытывают депрессию (6 %), одиночество (40 %). В этом возрасте у 68 % преобладает низкий уровень активности, средняя степень адаптации. Авторы установили прямую взаимосвязь между адаптацией и самочувствием людей с ОВЗ. То есть при благоприятном самочувствии, хорошем настроении взрослые транслируют успешную адаптацию в социуме, стремятся справиться со стрессовыми ситуациями, реалистично воспринимают себя и свое отношение с окружающими [33].

А. А. Овчинников, А. Н. Султанова, Т. Ю. Сычева, исследуя уровень качества жизни у лиц с ограниченными возможностями, обнаружили, что у них преобладают высокий уровень тревоги и средний уровень депрессии. В психофизиологическом аспекте наблюдается преобладание эрготрофного баланса, делающего человека возбудимым, приводящего к мобилизации ресурсов организма и повышающего тревожность. Респонденты прошли социокультурную реабилитацию, по результатам которой немного снизился эрготрофный баланс. Исследователи пришли к выводу, что социальное взаимодействие помогает людям с ОВЗ повысить ресурсы своего организма, снизить тревожность и сформировать эмоциональную устойчивость к негативным воздействиям окружающей среды [76].

Теоретический анализ современных исследований показал, что в различных географических точках Российской Федерации удовлетворенность жизнью лиц с ОВЗ находится на низком или среднем уровнях. Такие люди не чувствуют себя полноценными гражданами общества. Работая в данном направлении, мы считаем, что необходимо развивать готовность к participatory взаимодействию как людей, не имеющих ограничение в здоровье, так и людей с ОВЗ. Такую готовность можно формировать в рамках тренинговых программ для современных подростков и молодежи, которые становятся активными членами общества, как имеющих ограниченные возможности здоровья, так и без них.

А. В. Бородина исследовала психологическое самочувствие студентов инвалидов, обучающихся в Гуманитарно-педагогической Академии. Было установлено, что большинство студентов имеют повышенную возбудимость, импульсивность, выраженные эмоциональные переживания. Из-за физических нарушений студенты мало общаются, неразговорчивы. Они чрезмерно ранимы, склонны к переживаниям. У них преобладают средний уровень агрессии, познавательная активность проявляется в норме. То есть обучаясь в вузе, студенты испытывают напряжение и социальный дискомфорт [16].

Л. А. Черных, О. В. Замиратова исследовали индивидуально-коммуникативный компонент коммуникативной культуры подростков вспомогательных школ [110].

В основном у умственно отсталых подростков преобладает следующая направленность личности — коллективизм, справедливость в отношении к сверстникам, общественная направленность, отзывчивость, прямота. Для них характерны неуверенность в своих силах, недисциплинированность, внушаемость, упрямство и пассивность. В эмоциональном плане они проявляют бодрость, раздражительность, плаксивость. В деятельностном плане присутствует добросовестность и работоспособность, в осознании своего образа — несамокритичность, неадекватная самооценка. При восприятии окружающих отсутствует эмпатия, так как затрудняются понимать состояние других. Авторы в своем исследовании указывают, что дети готовы к participatory взаимодействию, но в силу специфики своего развития без понимания окружающих не могут полноценно включаться в такое взаимодействие. Поэтому, выстраивая инклюзивное пространство, социум должен толерантно относиться к лицам с ОВЗ, так как в силу их

развития не все инвалиды могут понимать окружающих и гибко подстраиваться под ситуацию в процессе participационного взаимодействия.

2.4. Лица с ОВЗ как субъекты конструирования своей жизни

Положительным фактором конструирования своей жизни выступает ориентация на учебную деятельность и специфику своего социального статуса молодых людей, имеющих ОВЗ. Как правило, социальный статус зависит от социально-экономической деятельности, в которую включены люди с ОВЗ.

В школьный период молодые люди активно усваивают знания и стараются интеллектуально развиваться. В последующий жизненный период социально активные лица с ОВЗ стремятся получить профессию, востребованную в обществе.

Немалую роль играют в социальной адаптации индивидуальные особенности личности. При восприятии молодых людей с ОВЗ происходит двойное отношение общества к ним. С одной стороны, это биологически взрослый человек, но в социальных отношениях может быть психологически незрелым. С другой стороны, преобладает промежуточное положение в обществе: между положением ребенка и положением взрослого.

Поэтому чаще всего отрицательным показателем при конструировании своего жизненного пути выступает зависимость молодых людей с ОВЗ от различных социальных институтов и агентов, которые помогают поддерживать их социальное положение.

С. Л. Рубинштейн рассматривал жизненное самоопределение как процесс, в котором внешние причины жизненного выбора преломляются через внутренние условия и осмысленность жизни [89].

К. А. Абульханова-Славская при построении жизненной стратегии выделяла проблему соотношения типа личности со способом жизни, поэтому охарактеризовала внутренний и внешний ресурсы личности. Внутренний ресурс определяется степенью активности личности к построению жизненных стратегий, а внешний ресурс систематизирует объективные требования социальной реальности [1].

Проведенные различные исследования показывают, что активные, уверенные в себе лица с ОВЗ адекватно реагируют на изменения со-

циума, а пассивные, бездействующие личности, ожидают помощи со стороны.

От активности личности зависят процесс осуществления жизненных стратегий человека, реализация стремлений достигнуть определенного баланса между личным и социальным, желаемым и жизненно важным. Если личность, имеющая ограниченные возможности здоровья, берет на себя ответственность за свою жизнь, то всегда будет возможность создать условия, необходимые для эффективной жизнедеятельности. Активный тип личности всегда будет находиться в состоянии поиска путей выхода из трудностей, будет проявлять стремление открыть для себя что-то новое.

Анализируемые исследования показывают, что лица с ОВЗ, имеющие оптимистичный склад личности, акцентируют свое внимание на позитивных изменениях в своей жизни, реализованные цели рассматривают как результат своей активности и прилагают усилия для достижения новых целей. Пессимистично настроенные лица с ОВЗ, наоборот, много внимания уделяют негативным моментам в своей жизни, считают, что их цели несбыточны, поэтому не прилагают больших усилий для их достижения.

В исследовании Р. Капелюшникова рассматривается внутренний потенциал молодых людей, имеющих ОВЗ. Он выделил компоненты личностных ресурсов, которые помогают им проявлять жизнестойкость. К таким ресурсам автор относит уровень образования, самооценку профессионализма, востребованность знаний на рынке труда, информационно-культурное развитие, географию социальных связей [41].

Перечисленные компоненты показывают, насколько человек социально активен, готов к межличностному взаимодействию и саморазвитию.

Р. Капелюшников установил, что доминирование определенного локуса контроля оказывает влияние на психику и поведение человека, имеющего ОВЗ. Молодые люди интернального типа, то есть признающие свою ответственность за жизненный выбор и результативность деятельности, чаще транслируют независимость и целеустремленность, они более успешны в жизни по сравнению с молодыми людьми, имеющими экстернальный тип. С интернальным локусом контроля люди более открыты, доброжелательны, уравновешены, имеют развитую волю, следуют общественным правилам. Они интересуются проблемами своего здоровья, занимаются поиском лечения или поддержания своего организма [41].

Экстерналы проявляют неуверенное поведение, беспокойство, закрытость в общении, настороженность по отношению к окружающим, у них преобладает установка, что социум должен помогать решать их проблемы.

Формирование жизненных стратегий во многом зависит от индивидуальных особенностей взрослеющей личности. Молодые люди, имеющие ограниченные возможности здоровья, находятся в промежуточном состоянии, так как биологически их организм достиг взрослости, а в социальном плане они относятся к категории детей.

Из-за проблем в здоровье молодые люди не проходят определенных стадий социализации, поэтому большинство их жизненных планов зависит от взрослых. Реализация задуманного нуждается в поддержке различных социальных институтов, если такое не происходит, то многие молодые люди, имеющие ОВЗ, так и остаются на промежуточном этапе между периодом детства и взрослости.

Следовательно, жизненные стратегии молодых людей с ОВЗ зависят от индивидуальных особенностей, специфики смысложизненных ориентаций, от их активности, умения организовывать свою жизнь и от влияния социальных институтов на их личностное становление. Исходя из этого, выстраивается жизненная траектория молодых людей с ОВЗ.

Многие исследователи замечают, что в структуре жизненных планов молодых людей с ОВЗ, в отличие от молодых людей, не имеющих проблем со здоровьем, на низком уровне выражены планы по созданию семьи, планированию сексуальных отношений и рождению детей. В основном такая категория людей ориентируется на понятие «среди своих».

Н. В. Васильева в своем исследовании отмечает, что молодые люди с ОВЗ в своих ценностных ориентациях выделяют создание семьи, но при этом в иерархии жизненных целей оно находится на последнем месте. Анализируя жизненные стратегии людей в возрасте 24—30 лет, автор установил, что этим людям не удалось достичь такой жизненной цели, как создание семьи. Из всех опрошенных только 23 % смогли создать свою семью [21].

В исследовании Н. В. Васильевой отмечается, что молодые люди, имеющие умственную отсталость, проблемы со слухом, стремятся после окончания школы сразу начать работать, а те, кто имеет заболевания внутренних органов стремятся получить высшее образование.

Основной проблемой молодых людей с ОВЗ является проблема профессионального самоопределения, которая выражается в том, что они, не учитывая свои возможности, способности, выбирают профессию спонтанно, ориентируясь только на доступность обучения в вузе, но не на свои личностные особенности. Такой неосознанный выбор может привести к ухудшению физического и психического здоровья.

Автор установила, что лица с ОВЗ, проживающие в больших городах (Москва, Великий Новгород), ориентированы на получение высшего образования, а те, кто проживает в малых городах, чаще ориентируются на среднее специальное образование. Молодые люди чаще всего стремятся обучаться дистанционно.

Самые предпочитаемые профессии у лиц с ОВЗ — продавец-консультант, промоутер, слесарь, столяр, плиточник. Девушки часто выбирали профессию зубного техника, врача, массажиста, визажиста. То есть молодые люди ориентируют свой выбор на рабочие специальности, которые востребованы постоянно.

Н. В. Васильева проанализировала профессиональную подготовку лиц с ОВЗ, проводимую в 2000 и в 2007 годах. За 7 лет в профессиональной подготовке на рынке труда ничего не изменилось. В основном людей с ОВЗ обучали и обучают профессиям швеи, оператора ПК, плотника, столяра. Не зная разнообразия профессий, доступности в получении образования, молодые люди ориентируются на то, что им предлагают социальные учреждения, с которыми они взаимодействуют.

Молодые люди с ОВЗ, проживая в любом городе, испытывают дефицит общения и имеют потребность быть признанным в обществе. Они ориентированы на профессии низкой квалификации, ценят профессиональные знания и навыки, полученные ими бесплатно за время обучения в школе-интернате. Профессиональное образование в целом влияет на конструирование жизненных планов молодых людей с ОВЗ.

Н. В. Васильева установила, что больше всех не удовлетворены своей жизнью и отсутствием планов на будущее молодые люди с ДЦП. Они больше всего нуждаются в создании особых для них условий [21].

В основном выпускники школы-интерната с оптимизмом смотрят на будущее, без особых надежд и иллюзий.

Н. В. Васильева установила, что две трети опрошенных удовлетворены своей жизнью. Среди тех, кому не нравится, как они живут, выделяются выпускники с умственной отсталостью, нарушениями зрения и ДЦП.

Почти 50 % опрошенных имеют позитивную направленность в жизненных изменениях, что влияет на их социальное самочувствие. Оптимизм преобладает больше у девушек, чем у юношей. Сельские жители более оптимистичны, чем молодые люди с ОВЗ, проживающие в городах.

В основном молодые люди с ОВЗ полагаются на себя, на родителей и государство. Свои планы выпускники-инвалиды обсуждают в первую очередь с родителями, а потом с друзьями.

С. Н. Кавокин, анализируя профессиональную пригодность инвалидов, отмечает, что некоторые профессии не подходят для обучения лицам, имеющим различные патологии (например, заболевание органов кровообращения, болезнь органов дыхания и т. д.), и при обучении у них возникает проблема выполнения трудовых операций. Поэтому молодые люди с ОВЗ не всегда могут выбрать понравившуюся им профессию и обучаться ей [39].

Н. А. Бурцева, изучая профессиональную ориентацию молодых людей с ОВЗ, установила, что в основном у них преобладает низкая готовность к профессиональному выбору и отсутствует возможность со стороны социума целенаправленно воздействовать на этот процесс. Положительным моментом выступает то, что при поступлении в образовательное учреждение происходит компенсация имеющихся проблем и повышается социальное самочувствие как молодого человека, имеющего ОВЗ, так и его семьи, которая поддерживала его на протяжении многих лет [19].

Профессиональное образование открывает новый этап по преодолению трудностей и по решению различных задач адаптационного характера в социуме, так как повышается социальный статус и появляется определенная защищенность молодых людей с ОВЗ.

Н. А. Бурцева отмечает, что большинство молодых людей с ОВЗ (53 %) хотят обучаться в обычных образовательных учреждениях, чтобы быть как все; имеющие сложные проблемы со здоровьем (42 %) стремятся обучаться в специализированных школах и только 5 % хотят обучаться дома. То есть молодые люди стремятся к активности и не хотят изолироваться от социума [19].

Интегрированное образование способствует формированию у здоровых молодых людей терпимости к проблемам своих одноклассников с ОВЗ, развивает чувство взаимопомощи, стремление сотрудничать с ними. Студенты с ОВЗ в процессе обучения в вузе формируют поло-

жительное отношение к своим здоровым сверстникам и адекватное социальное поведение, необходимое в обществе.

Н. А. Бурцева, Н. В. Васильева, С. Н. Кавокин отмечают неготовность молодых людей с ОВЗ к обучению в вузе, так как у них отсутствуют четкие представления о приобретаемой специальности, незрелая учебная мотивация, пробелы в знаниях по общеобразовательным предметам, плохо сформированы учебные навыки, слабо развиты социальные умения взаимодействовать с коллективом.

При преодолении всех этих проблем молодые люди с ОВЗ формируют психологическую устойчивость и относительную стабильность в социальной действительности.

Таким образом, стратегия жизни молодых людей с ОВЗ строится в соответствии с индивидуально-личностными особенностями, структурой активности, способом организации времени жизни, смысловой ориентации и т. п. Это позволяет определить стратегию жизни как сложившиеся и устоявшиеся формы и способы жизнедеятельности молодых людей, имеющих ограниченные возможности здоровья, благодаря чему они программируют свою жизнь исходя из своих индивидуальных особенностей.

Л. П. Цой анализировала самореализацию лиц с ограниченными возможностями здоровья. Она установила, что большинство респондентов имеют различные увлечения, помогающие им реализовывать себя в жизни (пение, чтение книг, работа за компьютером, спорт, шитье, рыбалка и т. д.). Респонденты отмечают, что со стороны государства мало делается для самореализации инвалидов. В основном инвалид может себя реализовать в профессии рабочего, продавца, специалиста, занятого на производстве, служащего в государственных учреждениях.

Данные Л. П. Цой подтверждают результаты других исследований о том, что на сегодняшний день у инвалидов есть возможность профессионально реализовать себя в обществе [109].

М. О. Моор, Н. Ю. Щека проанализировали предпочтения инвалидов при трудоустройстве в Амурской области. Было установлено, что большинство опрошенных инвалидов не конкретизируют свой род деятельности, рассматривают различные варианты трудоустройства. Часть из них готова сразу приступить к работе. Пожелания, которые высказывают инвалиды по поводу условий труда, ранжируются в следующем порядке: готовы работать полный день и полную рабочую неделю;

готовы работать неполную рабочую неделю; работа на дому; сменный график [70].

Как правило, инвалиды предпочитают трудоустроиваться через службу занятости, они готовы пройти профессиональную переподготовку. Однако есть и те, кто готов открыть свое собственное дело.

К сожалению, частота обращения в службу занятости у инвалидов низкая. Вероятно, плохая осведомленность, неправильно поставленная работа с данной категорией лиц снижает стремление найти работу через официальные службы.

Ю. В. Клепинина проанализировала трудовую занятость лиц с ОВЗ в г. Москве. Обобщив данные респондентов, она разграничила профессиональные интересы лиц с ОВЗ по специфике их заболеваний (таблица 1) [44].

Таблица 1 — Распределение ответов респондентов на вопрос «В каких сферах деятельности Вы ищете работу?» (%)

Категория инвалидов/Сфера услуг	Инвалиды по слуху	Инвалиды по зрению	Инвалиды с заболеванием опорно-двигательного аппарата	Инвалиды с психоневрологическими заболеваниями
Торговля	25 %	31 %	45 %	17 %
Промышленное производство	17 %	19 %	17 %	14 %
Социальные услуги	15 %	10 %	21 %	9 %
Строительство	12 %	13 %	15 %	16 %
Услуги связи	6 %	3 %	22 %	22 %
Транспортные услуги	14 %	6 %	7 %	3 %
Здравоохранение	7 %	23 %	7 %	7 %
Ресторанный бизнес	11 %	13 %	11 %	5 %
Образование	5 %	10 %	19 %	6 %
Гостиничный бизнес	11 %	7 %	11 %	8 %
Государственная служба	3 %	5 %	7 %	8 %
Юридические услуги	3 %	8 %	9 %	2 %

Системный анализ исследователя показывает, что для лиц с ОВЗ предпочтительна постоянная работа в сфере среднего звена (торговля, строительство, промышленное производство, услуги связи). То есть люди адекватно воспринимают свои ограниченные возможности и пытаются найти себя в той профессии, где реально смогут проявить себя и стать профессионалом.

Таким образом, мы проанализировали различные исследования, в которых констатируется проблема жизненных перспектив и ожиданий лиц с ОВЗ. Было установлено, что инклюзивное пространство направлено на социально-психологическую адаптацию лиц с ОВЗ в социуме, где проявляется способность членов общества принимать людей с ОВЗ как равных, учитывая их возможности, а не только их специфические особенности. Поэтому, сопоставляя данные современных ученых, можно отметить, что лица с ОВЗ готовы активно взаимодействовать с социумом, но, к сожалению, еще не все направления такого взаимодействия активно работают в социуме.

В обществе на настоящий момент созданы условия для включения лиц с ограниченными возможностями здоровья в социальное и образовательное пространство, но имеются трудности в их реализации. Проводимая социальная политика по созданию инклюзивного пространства формирует в сознании людей положительное отношение к людям, имеющим ОВЗ. Социум в своих ожиданиях допускает партиципационное взаимодействие с лицами, имеющими ОВЗ, но в реальных ситуациях эмоционально не готовы к партиципации с такими людьми.

Глава 3. Феноменология и психологический анализ понятия «партиципация»

3.1. Основные подходы к изучению проблемы партиципации

В научной практике термин «партиципация» (от франц. participation — соучастие, сопричастность) обозначает взаимодействие, основанное на полноценной включенности личности в процесс контактирования, ядром которого выступают соучастие, принятие.

Современная трактовка данного феномена отрефлексирована сравнительно недавно. В широком смысле понятие «партиципация» представляет собой процесс включенного взаимодействия в систему разно-статусных отношений. В более узком варианте трактовки используется идея об осознанном принятии равноценности личности партнеров по взаимодействию и их ресурсов.

Вне всякого сомнения, содержательный контекст понятия «партиципация» претерпевал значительные изменения в процессе эволюции отношения общества к инаковым группам и отдельным лицам, имеющим ограниченные возможности. В основе трансформации социально-психологических установок, безусловно, находятся и интериоризированный опыт культуры социума, и индивидуальный пласт понимания, принятия идеи самоценности каждой личности.

Краткий исторический экскурс в проблему партиципации позволяет констатировать, что процесс динамичных изменений отношения к лицам, имеющим ограниченные возможности, был длительным и характеризовался полярными установками, связанными и с позицией государственного устроителя и с индивидуальным опытом личности. Причем контекст сущностного отношения к инвалидам и в Западной Европе, и в России при неравнозначности временного пласта прошел одинаковые этапы: от агрессии и нетерпимости к осознанному и активному процессу партиципации.

Условно можно считать истоком первых отрефлексированных попыток отрегулировать контекст взаимоотношений с лицами, имеющими ограниченные возможности, в Западной Европе период от VI века до нашей эры и по XII век нашей эры. Данный период знаменателен и законами Ликурга (законодательно закрепленное право уничтожения лиц, имеющих физический или умственный недостатки) и впоследствии создание монастырских приютов для инвалидов, где они могли

получить не только религиозное сострадание, но и кров и пищу. Особенности данного периода выступали агрессия и неприятие инаковых лиц, даже несмотря на сословный статус, который не защищал от дискриминации инвалидов.

Физическая смерть или гражданское порицание лиц, имеющих аномальное развитие, являлись привычной и принятой нормой античного мира. Их особый статус основывался на государственно закрепленных актах неприятия данной социальной категории лиц как равноправных членов общества. Единственным бонусом на тот момент, облегчающим жизнь инвалидов, выступала защита религиозных организаций, ориентированных на привлечение массовой паствы и транслирующая идеи терпимости к инаковым членам общества.

В России первым этапом на пути эволюции отношения к инвалидам со стороны общества можно условно назвать период с X по XVIII века. Следует отметить, что, несмотря на более поздний период формирования гуманного отношения к лицам, имеющим ограниченные возможности, базовый вектор отношения к инвалидам в России всегда характеризовался терпимостью и менее выраженной агрессией, нежели в Западной Европе. В России факт признания государством христианской религии как официальной, стимулировал закрепление в массовом сознании общества сострадательную позицию по отношению к лицам, имеющим ограниченные возможности.

Несмотря на то, что православная религия была признана официальной, духовенство в России не имело финансовых соприкосновений с системой государственной власти. Именно поэтому акты духовного окормления, призрения инвалидов имели внегосударственный фонд финансирования и основывались на церковной и светской благотворительности.

Второй условный этап трансформаций отношения к лицам, имеющим инаковые признаки по физическому и интеллектуальному статусу, в Западной Европе соотносится период с XII по XVIII века. Тогда появились первые специализированные приюты и дома призрения, где помимо духовного окормления и бонусов витального существования инвалиды с дефектом слуха и зрения могли получить элементарные образовательные услуги.

Акцент адресной обширной помощи в этот период фокусировался на узкой социальной группе лиц, имеющих, по мнению государственной власти, возможности рентабельного использования их ресурсов.

Вне всякого сомнения, огромным прорывом в процессе изменения отношения к инвалидам выступила «Декларация прав человека», законодательно закрепив права лиц, имеющих физические и умственные дефекты в развитии, на образование, социальную и медицинскую помощь.

Наиболее вероятно, что данное обстоятельство было связано с итогами Великой французской революции, которая не только изменила массовое сознание людей, но и реально продемонстрировала наличие в обществе такой категории граждан, которые имеют дефекты/увечья и ограничены в своих возможностях.

В России второй этап движения массового сознания к партиципационным взаимодействиям сопряжен с периодом с 1706 по 1806 годы. Спектр законодательных актов этого периода от указов Петра I до Александра I был ориентирован на создание специализированных школ для обучения детей с дефектами в развитии.

Безусловно, государственные меры, ориентированные на инвалидов, в этот момент в России не представляли собой отрефлексированные программы актов взаимодействия с лицами, имеющими ограниченные возможности. Основной контекст адресной помощи и сформированных установок фокусировался в спектре западных представлений о потребностях инвалидов. Подобные заимствования носили не системный и не сопряженный с ментальностью России характер.

Третий этап формирования отношения к инвалидам в Западной Европе можно отметить коренными изменениями и со стороны государственной власти и в массовом сознании общества, относящимися к концу XVIII началу XX веков.

Именно в данный период в западноевропейской культуре законодательно были закреплены права инвалидов на системное специализированное образование, медицинскую и социальную помощь. Однако следует отметить, что перечисленные права имели узкую направленность. Они касались лиц, имеющих дефекты слуха, зрения и интеллекта. Иные группы инвалидов могли рассчитывать лишь на разовые благотворительные акты и церковное участие.

Лица, имеющие выраженные отклонения в развитии, как правило не имели правовой, социальной, медицинской и психологической поддержки в обществе, несмотря на законодательно принятые акты. Это обстоятельство ярко транслировало выраженный диссонанс между манифестным принятием лиц с ограниченными возможностями и реаль-

ным отношением государства, ориентированного на дифференциации потенций граждан.

В российской культуре третий этап становления партиципационных отношений можно соотнести с событиями 1806—1927 годов. Этот период был связан с системной рефлексией становления специализированного образования в России. К особенностям государственных мер можно отнести законодательные акты, касающиеся формирования трех основных направлений в сфере образовательных услуг для аномальных детей в векторе от благотворительных форм (приюты, дома призрения) до специализированных школ, санаториев, детских садов для лиц, имеющих ограниченные возможности.

Адресное внимание государственной власти в данный период принадлежит трем категориям инвалидов: с дефектом слуха, зрения и интеллекта. Безусловно, социальные трансформации в обществе, произошедшие после 1917 года, повлекли за собой множество экспериментальных мер в системе общего и специализированного образования.

Основным итогом данного периода в России можно считать окончательное оформление системы специализированного образования и конкретизацию целей и задач развития и адаптации в социуме детей, имеющих аномальное развитие. Причем под основной идеей «всеобщего равенства и братства» выступала латентная — социальное неравенство по инаковому признаку.

Концепция социальной изоляции, впрочем, коснулась не только инаковых категорий граждан. В данный момент времени социальным заказом общества выступал тезис «общественное выше личного». Однако именно лица, имеющие аномальное развитие, были ограничены в своих возможностях (социального, медицинского и психологического плана) в наибольшей степени, в связи с тем, что данная категория лиц не признавалась государством как равноценно значимая и способная успешно реализовать собственные ресурсы на благо общества.

Четвертый, условно обозначенный нами этап в эволюции отношения к лицам, имеющим ограниченные возможности, в Западной Европе относится к началу XX века по 70-е годы XX века. Этот этап характеризуется существенными трансформациями в сферах законодательной власти, массового сознания общества. Именно данный период можно с уверенностью назвать периодом начала интегративных процессов социума с лицами, имеющими ограниченные возможности.

Следует отметить, что множественные законодательные акты, возникшие в этот период, были сопряжены с дискриминационными проявлениями со стороны отдельных социальных групп. В связи с этим манифестные трансляции прав инвалидов соприкасались с латентным непринятием возможности полноценного включения в процесс социализации со стороны социума. В этот период основным фоном социально-психологических разностатусных взаимодействий выступал контекст изоляции (осознанно/неосознанно), инициируемой обществом.

В этот период отношение к лицам, имеющим ограниченные возможности, основывался на четком социальном неравенстве, идея которого доминировала в обществе. Социальная стигма «инвалид» приобрела в этот период особое негативное звучание. Маркирование общества по инаковому признаку выступала на этот момент индикатором социального самочувствия общества, склонного к имитации ценностей добра и гуманизма, а в реальности переживающего мощный социальный и эмоционально-психологический и культурный кризис.

Рассматривая особенности четвертого этапа в России (1927—1991 годы), касающегося трансформации взаимодействий социума с инвалидами, можно отметить следующее: возникла идея перехода от возможности образования отдельных лиц, имеющих аномальное развитие, к необходимости реализации образовательных, медицинских и социальных услуг для всех категорий нуждающихся.

Значимой вехой достижений данного периода в контексте развития партиципационных отношений выступила законодательная возможность лиц, имеющих аномальное развитие, получить среднее специальное, техническое и высшее образование. Вне всякого сомнения, речь шла о трех основных категориях инвалидов, претендовавших на получение высшего образования: лица с нарушением слуха, зрения и лица с ограниченной мобильностью.

Следует отметить, что несмотря на заявленную, законодательно закрепленную возможность, в реальности отношение к инвалидам в массовом сознании общества обширно не претерпело изменений. В частности, получение среднего специального, технического или высшего образования было сопряжено с рядом труднопреодолимых трудностей.

В частности, сам факт обучения перечисленных категорий инвалидов (имеющих дефект зрения, слуха, ограниченных в мобильности) не имел реальных адаптированных вариантов фактически во всех ре-

гионах Российской Федерации (архитектурной готовности учреждений, профессионального сопровождения обучающихся и др.).

Этот период был ознаменован значительными исследованиями в области специальной психологии в России, трудами Л. В. Занкова, К. С. Лебединского, А. Р. Лурия, Ж. И. Шифта и др.). Можно ответственно заметить, что в России появилась уникальная научная школа, инициирующая разработки в области проблем, связанных с началом становления партиципационных отношений в системе разностатусных взаимодействий.

Нельзя не отметить, однако, тот факт, что целевое специализированное образование и адресная социально-психологическая помощь данного периода привнесла в жизнь инвалидов и определенные ограничения. Именно данный период ознаменован тем, что повсеместно транслируемые меры выстроили фантомный барьер между лицами, имеющими ограниченные возможности, и остальными категориями граждан.

Изоляционный компонент основывался на построении отдельных полей существования, получения социальной, медицинской, образовательной и иной помощи инвалидам. Дифференционный критерий этого времени заключался в делении общества на «обучаемых» и «необучаемых».

Пятый этап в развитии партиципационных взаимоотношений в Западной Европе можно соотнести с 70-ми годами XX века по настоящее время. Этот период характеризуется плавным переходом от манифестной интеграции к реально интериоризированным нормам потребности осознанного, активного взаимодействия с лицами, имеющими ограниченные возможности. Индикатором принятия в массовом сознании общества готовности к партиципационным взаимодействиям выступает отрефлексированная потребность в данных контактах и осознание равноценности партнеров по взаимодействию вне паттернальных включений сознания.

В этот период первично именно в Западной Европе в научный оборот вошел термин «инклюзия», то есть процесс полноценного равноправного включения личности, имеющей ограниченные возможности, в социальное взаимодействие.

В России движение к полноценным партиципационным взаимодействиям характеризуется периодом, имеющим отношение к 1991 году, и осуществляется по наше время. Можно отметить, что феномен «инк-

люзия» и сопряженные с ним законодательные акты относятся к 2012 году. Именно в этом году ратифицирован закон о приоритетном на-
правлении инклюзивного взаимодействия на территории Российской Федерации.

Таким образом, анализ динамики трансформации установок и представлений социума по отношению к лицам, имеющим ограниченные возможности, имел длительный путь, сопряженный с многочисленными трудностями принятия инвалидов как равнозначимых партнеров по взаимодействию, способных быть эффективными и ресурсными при достижении общих целей.

Современное звучание проблемы партиципации освещено в трудах ученых из разных областей знаний: Л. С. Выгодского, Н. В. Васильевой, Н. И. Гурвич, А. Ю. Лаврентьевой, Э. К. Набирушкина и др.).

Соприкосновение данной проблематики с междисциплинарными знаниями показательна, в частности в том, что у лиц, имеющих иные признаки, как правило, особый формат жизненного маршрута.

Причем важным моментом в данном случае выступает степень принятия собственной инаковости не как отсутствия дефекта (отрицание), а как возможность освоения нового поля жизненного вектора движения к намеченным целям.

Мотивационно-потребностное поле личности, имеющей ограниченные возможности, характеризуется мотивационной недостаточностью и ориентацией на пессимистичный вектор ожиданий, касающихся жизненной перспективы (К. А. Абульханова-Славская, И. Гофман, А. Н. Леонтьев, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.).

В научной практике особое место уделяется исследованиям создания развивающего пространства для взрослеющей личности, имеющей ограниченные возможности, изучению лиц, с нетипичными свойствами (Л. Грачев, И. В. Касьянова, Е. Коган, Р. В. Тонкова-Ямпольская и др.).

Партиципационный компонент в жизненном пространстве личности, имеющей ограниченные возможности, изучался учеными в контексте теорий управления группами (М. Вебер, Ф. Тейлор, К. Ишикава, Э. А. Локк, К. Хайрота и др.). Смежные вопросы, касающиеся проблемы партиципации, рассматривались в рамках теории мотивации (А. Маслоу, Э. А. Локе, Дж. С. Адамс и др.).

Исследователи отметили, что в партиципационных отношениях особую роль играет отношение к совместному акту действий для достижения единого решения/результата, где разностатусность партнеров

не блокирует единый доступ информации для принятия эффективного решения и избрания конструктивной стратегии достижения цели.

Таким образом, сам факт партиципации предполагает единство в построении планов/целей, согласованность в реализации принятых решений, признание равноценности партнеров по взаимодействию, получение эмоционального бонуса в ходе контактирования и осознанную интериоризированную готовность к разностатусным взаимодействиям.

Краткий обзор исследований отечественных ученых позволяет констатировать, что на сегодняшний момент в психологической практике проблема отношения к лицам, имеющим ограниченные возможности, фокусируется в рамках двух векторных подходов: медицинского и социального.

Медицинский подход основывается на модели взаимодействия с лицами, имеющими ограниченные возможности, в контексте зависимых актов контактирования. В данном подходе основной акцент делается на наличии дефекта, а не на потенциале инвалидов. В этой связи сам факт инвалидизации воспринимается как проблема, активизирующая зависимую позицию в социально-психологических взаимодействиях.

Контекст медицинской модели взаимодействия с лицами, имеющими ограниченные возможности, сопряжен с патерналистическими отношениями, жалостью и гиперопекой со стороны социума.

Данное обстоятельство связано с тем, что в массовом сознании людей существуют укорененные установки, касающиеся ресурсов партнеров по взаимодействию и субъективные экспектации итогов деятельности в системе разностатусных отношений. Кроме того, основным ядром изменений, оптимизации жизнедеятельности инвалидов выступает в этом подходе сфера медицинских мер помощи.

В исследовании О. С. Васильевой, Ф. Р. Филатова можно отследить идею об эталонах, представлениях и установках, укорененных в массовом сознании, относительно восприятия лиц, имеющих ограниченные возможности [22].

Авторы указывают, что восприятие психологии здоровья имеет субъективный контекст, связанный с антиципированием результата взаимодействий как высокоэффективного/низкоэффективного. Наиболее частый вариант избираемых стратегий реагирования на контактирование в системе разностатусных отношений — гиперопека.

Это обстоятельство связано с тем, что лица, не имеющие ограниченных возможностей здоровья, осознанно/не осознанно выступают в лидирующей роли в процессе партиципации. Доминантная роль позволяет более полно контролировать процесс деятельных актов, временно мобилизовать силы при устранении ожидаемых трудностей.

Вне всякого сомнения, патернальность и гиперопека в процессе партиципационных взаимодействий отражает интериоризированную установку, связанную с неверием в потенциал партнера и принятием его как равноценной и эффективной личности.

Сходную точку зрения можно проследить в исследовании Е. С. Слюсаревой [92].

Автор отмечала, что несмотря на масштабность реабилитационных мер, осуществляемых со стороны социума, наиболее разработанными и эффективными, в плане реализации, остаются медицинские. Социально-психологический вектор вспоможения лицам, имеющим ограниченные возможности, остается недостаточно полновесно используемым.

Как уже отмечалось выше, базовой сутью продвижения медицинского подхода в отношении инвалидов выступает акцентирование инаковости лиц с ОВЗ, что в свою очередь усиливает проявление симптоматики социальной несправедливости и дискриминационных элементов в процессе социально-психологических разностатусных взаимоотношений.

Следует отметить, что медицинская модель взаимодействий в процессе партиципации носит взаимосвязанный манифестный и латентный характеры трансляции интеракций. В манифестном контексте взаимодействий с лицами, имеющими ограниченные возможности, отражен патернальный фон соприкосновений.

При всех видимых и несомненных плюсах (подбадривании, поддержке, сочувствии и др.) можно отследить латентную суть, выражающуюся в потребности дистанцироваться, переживании дискомфорта и явной сниженной выраженности готовности к полноценным и равнозначимым взаимодействиям.

Основной идеей подобного отношения выступает стратегия скрыть реальное восприятие лиц, имеющих аномальное развитие, а именно уверенность в низкой эффективности данной социальной группы.

Близкую точку зрения можно обнаружить в исследовании М. Б. Лига, где автор выдвигает идею о том, что качество жизни личности выступает индикатором ее успешности/неуспешности, эффективности/неэф-

фективности, влияет на массовое сознание и определяет безопасность существования в социуме, а также удовлетворенность жизнью в целом [58].

Безусловно, современное общество неравномерно по своей структуре, и выраженная инаковость какой-либо социальной группы определяет тенденцию разрыва в реализации потенциалов, спектре существования.

Можно констатировать, что вплоть до настоящего времени при достаточно динамично проявляющейся тенденции гуманизации общества, отношение к инвалидам в России имеет укорененные амбивалентные установки.

С одной стороны, усвоенное и широко транслируемое патерналистское отношение, выражающееся в покровительстве, жалости и подбадривании инвалидов. С другой стороны, намечающаяся тенденция тесного, коэволюционного взаимодействия с инвалидами, основанная на модели сотрудничества и равноправия. Именно с этими обстоятельствами связано снижение значимости медицинского подхода по отношению к лицам, имеющим ограниченные возможности.

В настоящее время акцент отношения к инвалидам смещен в сторону социального подхода.

Социальный подход представляет собой гуманистически ориентированную модель взаимодействия, которая не отрицает наличие дефектов и физической инаковости инвалидов. Однако инвалидность воспринимается как нормативный аспект жизни, а не депрессивная ущербность.

Данный подход включает в себя понимание потребностей лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, а также характер экспектаций, касающихся всех сфер жизни. В социальной модели взаимодействия особый акцент делается на субъект-субъектное отношение, коэволюционное развитие и принятие другой личности как равной по значимости и эффективности.

В рамках социального подхода инвалидизация не снижает социальной значимости личности, а нацеливает на активный поиск новых форм полноценной реализации себя в социально-психологическом пространстве взаимодействий.

Так, в исследовании М. М. Айшервуд представлены предикторы, характеризующие возможность полноценной и самоэффективной жизнедеятельности лиц, имеющих ограниченные возможности [4]. Автор указывает, что основным критерием гармоничного взаимодействия

в системе партиципационных отношений является отсутствие внешних и внутренних блоков восприятия друг друга, партнеров по контактированию. Причем основанием для единства и слаженности совместной деятельности выступает изменение мировосприятия инаковости Другого именно в социальной плоскости современной реальности.

Иными словами, принятие партнера по взаимодействию, имеющего ограниченные возможности, находится в эмоциональном, когнитивном и поведенческом полях соприкосновений.

Эмоциональный аспект принятия Другого характеризуется получением позитивных бонусов от процесса общения и совместных действий для достижения единого результата. Кроме того, гармоничное эмоциональное поле восприятия лиц, имеющих ограниченные возможности, выступает индикатором позитивного социального самочувствия всех субъектов партиципационного взаимодействия и активизирует, в свою очередь, потребность в инициации новых интеракций.

Когнитивный аспект позитивизации инакового Другого предполагает отсутствие диссонанса между личностными ожиданиями, убеждениями, ценностями и интериоризированными нормами социума. Сопричастность и понимание когниций партнеров по взаимодействию вне дистанционных блоков стимулирует конструктивное принятие решений, эффективный выбор стратегий достижения общих целей.

Поведенческий аспект, характерный для равноценного принятия партнеров по разностатусным взаимодействиям, определяет согласованность и успешность деятельностного поля отношений в процессе партиципации.

Потребность в согласованности и позитивизации партнеров в партиципационных взаимодействиях представляет собой основной вектор существования современной личности в социуме.

Сходную точку зрения можно обнаружить в исследовании Б. А. Долгалева и В. Н. Ладиковой [34].

Авторы отмечают, что сущность полноценного существования личности находится вне инаковых различий. Осознанное принятие процесса партиципации характеризуется именно пониманием инаковости Другого, при отрефлексированном и укорененном в сознании личности равноценности партнеров по взаимодействию.

В данном случае будет транслироваться наиболее эффективный конструкт взаимоотношений, который не утрирует внимание на наличествующем дефекте партнера и не ориентирует лиц, имеющих огра-

нические возможности, на переживание виктимности собственного статуса здоровья.

В определенном смысле, можно сказать, что социальная модель контактирования в процессе партиципации способствует личностному росту, самоэффективности, обретению нового успешного опыта достижения желаемых целей, удовлетворяющих всех субъектов взаимодействия.

Интересную идею, в контексте данного тезиса, можно отследить в исследовании А. Л. Битова [15]. Автор отмечает, что, несмотря на то, что социальная модель взаимодействия в рамках процесса партиципации существует более 20 лет, ее реальная реализации осуществляется недостаточно полно.

Динамичность интеграционных процессов в системе разностатусных взаимодействий будет усиливаться при ответственной и осознанной готовности всех субъектов партиципации к осознанию равноценности партнеров и укорененной уверенности в потенциале друг друга.

Таким образом, в завершении краткого теоретического анализа этимологии становления феномена «партиципация» и основных подходов к изучению проблемы функционирования процесса разностатусных взаимодействий можно отметить, что данная проблематика представляет собой ярко выраженную актуальность в связи с недостаточной отрефлексированностью терминологического аппарата. Кроме того, основные подходы, в рамках которых фокусируются современные исследования, при наличии несомненных соприкосновений (медицинский аспект, как вторичный включается в социальный подход) имеют различный вектор направленности, выделяя социальную модель взаимодействий как ведущую на современный момент.

3.2. Векторная направленность партиципационных взаимодействий

Современное общество по своей социально-психологической природе разностатусно. Данное обстоятельство способствует не только фактическому маркированию отдельных социальных групп, но и формированию специфики социально-психологических взаимодействий. Наиболее рельефно разностатусные взаимодействия можно проследить в процессе партиципационных отношений с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья.

Сам феномен «партиципация», в широком смысле, предполагает осознанный процесс разностатусного взаимодействия для консолидации усилий субъектов в процессе достижения общих целей.

Основными *структурными предикторами партиципации* выступают эмоциональный, когнитивный и поведенческий, проявляющиеся в следующих показателях:

- добровольная/вынужденная активность;
- общая цель;
- согласованность/рассогласованность стратегий достижения общей цели;
- мотивационная включенность;
- эмпатическая включенность;
- рефлексивная включенность;
- принятие инакости партнера по взаимодействию;
- осознание ресурсности партнера по взаимодействию.

Структурная многогранность характеристик процесса партиципации обусловлена сложным многолинейным вектором проявлений, реализуемых в объективно сложившейся ситуации каждым из субъектов взаимодействия. Личность, включенная в процесс партиципационных взаимодействий, проходит общие этапы адаптации к новому деятельностному пространству. Именно поэтому одним из первичных показателей партиципации выступает активность личности.

Добровольная активность как проявление потребностного для личности акта несет позитивную окраску и отражает выраженную степень готовности к партиципационным взаимодействиям.

В свою очередь, вынужденная активность личности характеризуется целым спектром амбивалентных проявлений:

- с позиции когнийций — неприятием ситуации;
- с позиции эмоций — снижением социального самочувствия, выраженной тревогой;
- с позиции поведенческих актов — дистанцированием, упрощенным характером контактов, однолинейностью действий.

Наличие общей и, что немаловажно, реалистично достижимой цели способствует укреплению процесса партиципации и установлению единого вектора движения в процессе взаимодействия. Диффузная цель определяет ситуативный, несистематический характер партиципации и может привести к процессу угасания партиципационных ак-

тов. Причем завершение партиципационных действий возможно со стороны любого из партнеров по контактированию, у которого появился диссонанс между реальным и ожидаемым образами ситуации партиципации.

Согласованность, избрания стратегий достижения общей цели не только облегчает реализацию задуманных планов, но и существенно настраивает на постановку новых, более сложных целей и задач в контексте партиципационных взаимодействий. Это обстоятельство основано на получении эмоционального бонуса первичной удовлетворенности включенностью в процесс партиципации. Безусловно, рассогласованность избранных стратегий достижения общей цели деструктивно влияет на статус процесса партиципации, затормаживает/стагнирует дальнейшие партиципационные акты.

Мотивационная включенность характеризуется различной степенью выраженности: от низкой до высокой. Чем выше степень мотивационной включенности в процесс партиципации, тем выше готовность партнеров по взаимодействию инициировать новые акты взаимодействия в системе разностатусных отношений.

Характер эмпатической включенности зависит не только от уровня общей культуры партнеров по взаимодействию, но и от опыта личности, модальности экспектаций субъектов. Вне всякого сомнения, основной базой проявления данного предиктора выступает общий статус развития эмпатии личности.

Рефлексивная включенность как система умений соотносить собственные действия и устремления с действиями и устремлениями партнеров по взаимодействию однозначно имеет разную степень выраженности. Причем высокая степень эмпатической включенности как правило сопряжена с проявлениями патерналиного (поддерживающего, опекающего) вектора взаимодействий с партнером, имеющим ограниченные возможности.

Одним из базовых предикторов процесса партиципации выступает, несомненно, осознанное принятие инаковости партнера по процессу партиципации. Сам факт подобного отрефлексированного и ответственного принятия ориентирует личность на реалистичность построения маршрута совместных действий, и выступает индикатором зрелости личности. Иными словами, отрицание наличия дефекта у партнера с ОВЗ стимулирует выбор неконструктивных стратегий поведения, имитации партнерских взаимодействий.

Еще одним из важнейших и показательных предикторов партиципации является осознание ресурсности каждого из субъектов партиципационного взаимодействия. Данный показатель определяет дальнейший успешный вектор продвижения к достижению общей цели при осознании равнозначности вкладов партнеров. Объективизация потенциалов каждого из партнеров по процессу партиципации и в то же время не фиксированность на наличествующем дефекте, стимулирует у субъектов взаимодействия поиск наиболее эффективных и комфортных стратегий достижения общей цели.

Причем особую роль в данном случае играет взаимная ориентированность на партнера и моделирование деятельностного конструкта достижений, с учетом полноты использования ресурсов каждого из партнеров по процессу партиципационного взаимодействия.

Следует отметить, что векторы направленности партиципационного процесса имеют нюансы, связанные с позицией отношения субъектов к данному контексту контактирования.

Исследования Э. Локе, К. Миллера, Дж. Штрауса [135; 138; 142] и др. позволяют выделить **три основные вектора направленности партиципации:**

- с позиции личностных взаимодействий,
- с позиции полноты/ограниченности ресурсов;
- с позиции вовлеченности в процесс взаимодействия.

Контекст личностных взаимодействий предполагает эмоциональную, когнитивную и поведенческую сопричастности субъектов разностатусного контактирования. Сопричастность к эмоциональному фону переживаний партнеров по взаимодействию способствует гармонизации социального самочувствия личностей, включенных в процесс партиципации, погружая их в гармоничное, комфортное поле взаимоотношений.

В ситуации эмоциональной рассогласованности, отсутствия сопричастного понимания психологического состояния Другого процесс партиципационных взаимодействий стимулирует у партнеров реакции дистанцирования и существенно снижает выраженность коммуникативных и деятельностных посылов.

Данное обстоятельство вызывается эффектом переживания тревоги и стрессового состояния, когда партнеры не ощущают удовлетворенность избранными стратегиями взаимодействия и самим контекстом включенности в процесс партиципации. Осознанное и рефлексивное

понимание эмоционального настроения Другого предполагает единый настрой на формирование дальнейших взаимодействий и позитивизацию преодоления возможных трудностей в процессе достижения общих целей в контексте participационных взаимодействий.

Восприятие полноты/ограниченности ресурсов не отрицает различий в возможностях субъектов взаимодействия, однако предполагает осознанный поиск наиболее эффективных маршрутов достижения целей, в процессе которых устанавливается равнозначный баланс взаимоотнодачи всех субъектов контактирования.

Без всякого сомнения, восприятие партнеров по взаимодействию, имеющих ограниченные возможности, находится в поле осознанной ответственности за результат совместных действий. В случае если акцент фиксированного внимания смещен на наличие дефекта у партнера, то лица с ОВЗ воспринимаются партнерами по взаимодействию как недостаточно ресурсные для достижения эффективного результата.

В этой связи следует отметить, что позитивизация восприятия на сознательном уровне партнеров с ОВЗ значительно расширяет пространство процесса participации, способствует осуществлению своевременности принятия решений, избранию эффективных стратегий достижения единых целей.

Принятие инаковости партнера по взаимодействию как самоэффективную личность, имеющую особые формы достижения оптимальных результатов в ситуации разностатусных взаимоотношений, расширяет пространство participационного поля контактирования. Сам факт подобного принятия различий у субъектов participационного взаимодействия как возможность использовать новые формы реализации общих целей выступает индикатором отсутствия интрапсихического конфликта при разностатусном контактировании.

Вектор participационных взаимодействий с позиции вовлеченности субъектов общения в данный процесс, на наш взгляд, предполагает **два основных вида participации:**

- нормативную,
- «вынужденную».

Нормативный вид participации основан на осознанном, включенном контактировании с разностатусными субъектами participационного взаимодействия, каждый из которых осознает личностную ответственность за выбор стратегий контактирования, и когнитивно, и эмоционально удовлетворен процессом и результатом данных взаимоотно-

шений. Готовность к данному виду партиципации позволяет личности полноценно включаться в социальное пространство взаимодействий, гармонично презентовать собственное Я и индивидуальные ресурсы, ощущать удовлетворенность жизнью в целом [51; 100].

Кроме того, в исследованиях Ф. Хеллера, Дж. Штрауса можно отметить следующую идею: активная и осознанная включенность в процесс партиципации позволяет субъектам обретать дополнительные ресурсы личностного роста [130].

Нормативный вид партиципации имеет динамическое развитие и обогащает всех субъектов, включенных в процесс разностатусного взаимодействия новым, ценностным опытом. Спецификой данного вида партиципации выступает отсутствие внешнего давления и внутреннего конфликта в процессе партиципационных взаимодействий.

В основе «вынужденного» вида партиципации лежит интрапсихический конфликт, основанный на рассогласовании между внутренними укорененными установками и избираемыми стратегиями поведения.

Данный конфликт связан с субъективно воспринимаемым внешним давлением на сознание личности. Социальные нормы общества, интегрированные личностью, ориентируют ее на равноценное принятие разностатусных партнеров по взаимодействию. Однако данное принятие транслируется личностью как манифестное при латентном ощущении дистанции отторжения.

Схожую идею можно отследить в исследованиях О. И. Мироновой, которая указывала, что навязанная включенность вынужденных контактов воспринимается личностью как конфликт [68]. Подобное состояние вызвано не добровольностью, а «навязанностью» включения в партиципационное взаимодействие [139].

В связи с этим активизируется функционирование кризисного сознания личности, и ситуация партиципации обретает черты стрессогенности, что стагнирует процесс разностатусных взаимодействий.

Наиболее вероятный эффект переживания личностью вынужденного включения в партиципационный процесс является прокрастинация, то есть иррациональное откладывание на неопределенный временной срок желаемых целей. Прокрастинация как процесс отложенных действий существенно затрудняет социально-психологические взаимодействия, так как выступает своеобразной остановкой, барьером в маршруте достижения актуальных целей [77].

Если рассматривать именно эмоциональный фон переживания личностью вынужденного participационного взаимодействия, то следует уточнить, что прокрастинация играет также роль механизма психологической защиты. Диссонанс воздействия прокрастинации определен тем, что вынужденное participационное взаимодействие в самой структуре имеет интрапсихический конфликт и является индикатором степени выраженности стрессового состояния у личности. Иными словами, несмотря на то, что личность вступила в participационные отношения, реальная отдача в эмоциональном, когнитивном и деятельностном поле остается минимальной.

В данном контексте наличие прокрастинационных элементов (задержку в принятии решения, иррациональное откладывание реализации желаемых целей и/или замену актуальных по значимости целей на достижение второстепенных) существенно снижает качество participационных взаимодействий и деформирует базовые цели разностатусного процесса контактирования.

Следует отметить, что прокрастинационные элементы в participационном взаимодействии, выступая механизмами психологической защиты, представляют собой паллиативную меру для уточнения мотивов взаимодействия и рефлексии избранных стратегий достижения общих целей.

Как уже упоминалась выше, готовность личности к participационным взаимодействиям определяется уровнем культуры и уверенностью в самоэффективности личности. Сам контекст разностатусных взаимодействий предполагает укорененные установки в признании Другого как равноценной личности, способной к эффективной реализации общих целей в процессе совместной деятельности.

Личность, ориентированная на нормативную participацию, не только имеет общее поле когнитивных построений в восприятии окружающего мира с партнерами, имеющими ограниченные возможности, но и получает позитивную эмоциональную отдачу от самого процесса participационных контактов.

Молодые люди имеют выраженную направленность на оптимальную реализацию желаемых целей и нацелены на личностный рост, достижение самоэффективности. Вне всякого сомнения, максималистская устремленность молодежи, характерная периоду ранней юности, подчас сталкивает взрослеющую личность с теми или иными трудностями в достижении намеченных планов. Преодолевая барьеры трудностей,

молодые люди обретают новый опыт, сопряженный иногда с преодолением себя.

Безусловно, что лица, имеющие ограниченные возможности, имеют иное, более сложное поле развития и жизнедеятельности, связанные с наличием дефекта. Собственно сам процесс достижения актуальных целей у лиц с ОВЗ — это и есть территория преодоления не фантомных, а реальных трудностей, обусловленных внешними и внутренними детерминантами.

В этой связи элементы переживания социального неравенства у лиц, имеющих ограниченные возможности, выражен достаточно рельефно. В первую очередь данное обстоятельство связано с тем, что на субъективный контекст восприятия себя, собственных ресурсов и окружающих людей у лиц с ОВЗ накладывается фон самостигматизирования, выраженный в сверхфиксации внимания на наличествующем дефекте.

Вне всякого сомнения, утрированная фиксация на собственном дефекте не выступает характерной особенностью большинства инвалидов. Эта особенность характерна для той категории лиц, которая имеет укорененный негативный опыт, обусловленный социальным отчуждением, неконструктивным стилем воспитания (в семье, социальном учреждении), неадекватным самопринятием и другими причинами.

Безусловно, острое и невротическое восприятие собственной инаковости лицами, имеющими ограниченные возможности, деструктивно влияет на готовность вступать в партиципационное взаимодействие, так как сам акт партиципации воспринимается ими субъективно, как вынужденный, со стороны других лиц.

Перечисленные причины могут включать функционирование кризисного сознания, формировать негативные и пессимистические экспектации, касающиеся контекста взаимодействия с окружающими людьми. В этом случае активность социально-психологических взаимодействий затормаживается, акты партиципационных контактов носят вынужденный и/или имитационный характер. Как следствие, основным фоном коммуникативных посылов выступает недоверие и сдержанность, дистанцированность.

Внутренний конфликт активизирует процесс иррационального откладывания реализации актуальных целей на более поздний срок, что может существенно деструктуризировать и сам процесс достижения

целей и снизить потребность в самом взаимодействии с партнером, субъективно воспринимаемым неэффективным [108].

Мотивационный аспект готовности/неготовности к participационным взаимодействиям представляет собой широко вариативный пласт оснований: от полноценного принятия партнера по взаимодействию до социальной отчужденности. Безусловно, готовность к совместной деятельности с лицами, имеющими ограниченные возможности, есть личностный отрефлексируемый выбор человека, ориентированного на получение нового опыта и уверенного в самоэффективности и эффективности инакового Другого.

Следует отметить, что полноценная, не имитационная готовность, как правило, возможна именно при осознании инаковости партнера по взаимодействию и признании его эффективности для достижения общих целей. Основанием для данного когнитивного конструкта выступает понимание ценности собственной личности, объективизация индивидуальных ресурсов и принятие личности Другого, его потенций как равноценных.

В данном случае сам факт готовности к деятельности выявляет гармонию восприятия себя и окружающего мира [35].

Еще одним фактором наличия готовности к нормативным participационным взаимодействиям выступает гармоничная последовательность и своевременность действий партнеров по контактированию. Своевременность, как антитеза прокрастинации, символизирует одобрение собственного маршрута действий и потребность в его продвижении для реализации желаемых целей.

Если рассматривать более широко, своевременность действий в participационном взаимодействии может осознаваться личностью как обретение внутренней свободы действий, согласованность собственных устремлений и требований общества, а также как предиктор социальной адаптации личности.

Таким образом, готовность личности к participационному взаимодействию представляет собой личностный, осознанный выбор, основанный на позитивной мотивации в контексте признания партнеров по контактированию как равнозначимой личности, способной быть эффективной.

Как уже отмечалось выше, разностатусность социальной структуры общества оказывает особое влияние на процесс полноценной реализации собственного Я, а также на построение индивидуального маршрута

временной перспективы современной личности. Данное обстоятельство обосновано тем, что полнота/дефицитарность внешних и внутренних ресурсов личности определяют поле социальных взаимодействий и характер выбора тех или иных стратегий жизненного вектора.

В этой связи недостаточная реализованность жизненно важных планов снижает социальное самочувствие личности и удовлетворенность жизнью в целом. Наиболее подвержена подобным эффектам социальная группа лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья. Именно поэтому проблема партиципационных взаимодействий приобрела актуальную значимость.

В современной психологической практике особое место занимают исследования характера партиципационных взаимодействий (Э. А. Локк, Дж. Штраус, Ф. Хеллер, И. В. Касьянова, О. Н. Перова и др.) Характер включенности личности в партиципационное взаимодействие носит, как правило, маркер степени выраженности готовности добровольно и ответственно принимать партнеров по контактированию как равнозначных по степени эффективности.

Следует отметить, что готовность к совместной деятельности у каждой личности может быть различной в силу индивидуальных факторов и условий реальной ситуации. Степень готовности к партиципационным взаимодействиям, вне всякого сомнения, более рельефно отражает наличие/отсутствие интрапсихического конфликта и меру доверия личности окружающему миру.

Рефлексия жизненного пространства определяет вектор продвижения личности по жизненному маршруту с учетом возможных трудностей и механизмов их преодоления. Признание равноценности партнеров по взаимодействию позволяет личности выстраивать гармоничный вектор достижения общих целей [78].

В этой связи партиципационное взаимодействие может выступать условием развития личности, активизации уверенности в собственных силах и укреплению значимых социальных отношений. Чем ниже готовность к партиципации, тем выраженнее интрапсихический конфликт, который маркирует дисбаланс между желанием достичь поставленной цели и неверием в эффективность партнеров по взаимодействию. Внутренний конфликт приводит к рассогласованности действий и снижает результативность достижений личности.

Интересный факт можно найти в исследовании А. С. Ширяевой [116], которая указывала, что личность, вступая в активное социальное взаимодействие, может транслировать *две модели поведения*:

- «сверхнормативное»,
- «псевдосверхнормативное».

Данные модели поведения предполагают выход за рамки должного и необходимого, стимулируя личность к изменениям. Вне всякого сомнения, модальность и сущностная наполняемость избираемой личностью модели поведения при вступлении в процесс партиципации может носить некий индивидуальный окрас, однако основные линии направленности выстроенного конструкта интеракций, эмоционального реагирования и когниций имеют типические полярные характеристики.

Идея А. С. Ширяевой, на наш взгляд, применима к характеристике партиципационного взаимодействия. Именно в разностатусных отношениях личность получает бесценный опыт понимания собственного Я и глубже осознает ценность личности Другого.

Динамика осознания мотивов, включенности в партиципационный процесс, присутствие/отсутствие внешнего и внутреннего давления на сознание личности, степень выраженности активности выступают своеобразным индикатором сущностного отношения к ситуации партиципации и самоощущения в контексте проживания данного процесса.

Модель «сверхнормативного» поведения позволяет преобразовывать окружающую реальность в позитивном ключе, так как личность включает в собственное жизненное поле партнеров с ОВЗ и их ресурсы. Причем данное включение осуществляется вне внешнего и внутреннего давления и при отсутствии психологических блоков. Можно с уверенностью сказать, что активизация «сверхнормативного» поведения выступает одним из показателей нормативной партиципации.

Личность, транслирующая «сверхнормативную» модель поведения в процессе партиципационных взаимодействий, ориентирована не на общий контекст первичного, обыденного патерналиного восприятия партнеров, имеющих ограниченные возможности, а на активные, устойчивые интеракции, получение когнитивного и эмоционального опыта, полноценное проживание процесса разностатусного контактирования.

Иными словами, данная модель поведения позволяет каждому субъекту партиципационного взаимодействия поделиться в равной мере с партнером своим опытом, знаниями, умениями, разделить с ним

в едином эмоциональном поле успеха и поражения, согласовать и расширить собственные убеждения и мировосприятие.

В свою очередь, модель «псевдосверхнормативного» поведения носит характер имитационных действий, транслируемых личностью для сокрытия истинного отношения к процессу включенности в participatory акт взаимодействия. Имитационный компонент квазиготовности к процессу партиципации представлен внешними сигналами «включенности», наряду с латентным непринятием самого процесса. Подобное обстоятельство может выступать индикатором не только внутреннего конфликта, но и дефицита внутренних ресурсов личности.

Нами допускается утверждение, что «псевдосверхнормативное» поведение деструктивно влияет на процесс партиципации и способствует усилению психологической травматизации партнеров по взаимодействию.

Это связано с тем, что взаимодействуя в ситуации вынужденных контактов, личность не только переживает стресс, но и осознанно/неосознанно транслирует его эффекты, а именно: скованность в общении, рассогласованность при реализации целей, неверие в потенциал партнера, имеющего ограниченные возможности здоровья. Безусловно, подобные социальные сигналы усваиваются партнерами и ведут к отчужденности, ослаблению participatory связей.

Таки образом, participatory взаимодействие включает в себя: векторную направленность действенных устремлений, модальность индивидуального восприятия себя, собственных ресурсов, степень принятия партнеров по взаимодействию как равноценных, а также эффекты избираемых моделей поведения личности.

3.3. Девиктимизация лиц с ОВЗ в процессе партиципации

Характерологические особенности лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, представляют собой разнородный спектр, основанный на множестве факторов: специфике самооценки, модальности самоотношения, личностных экспектациях, индивидуальных проявлениях переживания возможных трудностей, степени стрессоустойчивости, укорененных установок по отношению к дефекту развития, вектора жизненного маршрута, а также удовлетворенности собственной жизнедеятельностью.

Масштабные меры, проводимые государственной властью в отношении инвалидов в области здравоохранения, образования, социальной

жизни, без всякого сомнения, имеют адресную и позитивно нацеленную помощь. Однако следует отметить, что инклюзивные меры включения лиц с ОВЗ в социально-психологическое пространство имеют различные эффекты, полюсы которых можно соотнести с «плюсовым» и деструктивным векторами воздействия.

Данное обстоятельство сопряжено с тем, что сам факт инвалидизации воспринимается лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья, разнопланово. Причем основная направленность восприятия собственного Я в новой ситуации жизнедеятельности может оцениваться лицами с ОВЗ и как иная, но имеющая массу потенциалов форма достижения жизненно значимых целей, и как катастрофа, активизирующая образ жертвы.

Безусловно, процесс виктимизации инвалидов имеет многоуровневую структуру и связан с различного рода факторами: индивидуально-психологическими, социальными, медицинскими, экономическими и др. Именно поэтому ожидаемый процесс инклюзии может обратиться для лиц с ОВЗ в переживаемый и достаточно остро в процесс эксклюзии. Это обстоятельство связано с возможным функционированием кризисного сознания личности инвалида и активизацией реакций вторичного дефекта — обретенных негативных личностных качеств: ориентации на рентные установки, агрессии/аутоагрессии, эффекты стигматизации/самостигматизации личности.

Феномен «виктимизация» буквально обозначает переживание личностью состояния погружения в ситуацию жертвы и восприятия собственного Я как потенциальной жертвы. Механизм виктимизации запускает деструктивные реакции, ориентированные на разрушение социально-психологической значимости лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, и в целом направлен на деструкцию жизненных перспектив личности.

Проблемой виктимизации занимались в разное время О. О. Андронникова, Г. Г. Башанаева, Н. С. Волкова, М. А. Одинцова, Л. С. Стуколова, Р. А. Субботина и др. Основное направление исследований было ориентировано на проблему понимания личностью собственного Я как потенциальной жертвы, с низкой выраженностью самоэффективности в социально-психологическом поле взаимодействий.

Подобное восприятие и самооценивание инвалидов собственного Я основаны на эффекте интериоризированного отношения окружающих людей, посылы которого выражены в следующих реакциях:

- понимание возможных психологических проблем в процессе взаимодействия;
- фиксация в сознании личности видимой физической/психологической инаковости;
- ограниченные возможности, как потребность в помощи;
- активизация социальной и личностной ответственности перед инвалидами;
- амбивалентные реакции: страх, жалость, опека, дистанцирование, как сложная система взаимоотношений [87].

Следует отметить, что перечисленные реакции восприятия образа инвалида достаточно условны и представлены в массовом сознании в той или иной степени выраженности. Однако основные векторы отношения лиц, не имеющих дефекта в развитии, ориентированы на полноценную партиципацию, патернальное взаимодействие и дистанцирование от лиц, имеющих инаковые признаки.

Сложность партиципационного взаимодействия, как уже отмечалось выше, основана на полноценном принятии инвалидов, как равнозначных партнеров по взаимодействию, имеющих потенции, для осуществления эффективных действий по достижению общей цели. Восприятие инвалидов, в данном контексте, включает в себя принятие инаковости партнера, то есть неотрицание дефекта в развитии.

Однако нормативное партиципационное взаимодействие предполагает именно отсутствие диссонанса: признание дефекта партнера и признание его потенциальной эффективности в процессе взаимодействия. Данный пласт восприятия и отношения к лицам, имеющим ограниченные возможности, встроен в сознание личности, отрефлексирован и интериоризирован в систему ее внутренних базовых убеждений, установок.

В противном случае транслируемое партиципационное взаимодействие обретает статус невротического, и латентно переживаемый диссонанс между реальным отношением к партнеру с инвалидностью и презентуемым вариантом сущностно различается, а именно тем, что ядро контактирования имеет имитационную структуру. Имитационная рефлексия деструктивно влияет на процесс партиципации, так как сдерживает реалистично переживаемые эмоции личности и включает ситуацию переживания стресса, связанного с несоответствием желаемого и переживаемого сознанием человека.

Можно предположить, что невротический тип партиципации манифестно транслируемый личностью, объективно представляет собой вектор дистанцирования в отношениях с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья. Основным мотивом трансляции имитационных действий выступает система укорененных норм и правил социума, где личность ориентирована на позитивизацию собственного образа Я.

Иными словами, функционирующий внутренний конфликт личности вынуждает транслировать ложные, имитационные реакции и выстраивать маршрут взаимодействий по невротическому плану. Личность, в данном контексте, переживает общую базальную тревогу и/или выраженный стресс неприятия самой ситуации партиципации.

В определенном смысле личность находится в своеобразной ловушке мотивов. Причем лабиринт ловушки распространяется и на партнера по взаимодействию, так как в системе разностатусных отношений рефлексия внешних сигналов представлена достаточно выражено.

В свою очередь патерналиное восприятие партнера по взаимодействию отражает и неверие в потенции лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, и потребность обезопасить собственное сознание от непрезентабельных реакций (дистанцирования, неприятия инаковости, потребность контроля за ситуацией и др.), которые по субъективному восприятию данной категории лиц могут иметь место.

В патерналистическом отношении к инвалидам можно условно указать на следующие мотивы:

- осознаваемое желание помочь низкостатусному по возможностям партнеру, основанное на представлении о своих возможностях, превышающих возможности партнера и уверенности в собственном приоритете;
- осознаваемое желание помочь низкостатусному по возможностям партнеру, основанное на страхе неудачи, низкой степени уверенности в собственных силах и низкой степени уверенности в потенциях партнера, имеющего ограниченные возможности здоровья;
- неосознаваемое желание помочь низкостатусному по возможностям партнеру, основанное на потребности контроля за ситуацией своевременного достижения общей цели, на субъективно воспринимаемой доминанте собственных возможностей, на неуверенности в потенциях партнера и страхе неудачи.

На наш взгляд, патерналистическое отношение к партнерам по взаимодействию, имеющим ограниченные возможности здоровья, ориентируют последних на формирование рентных установок и снижают уровень взаимной ответственности в процессе participационных контактов. Сам факт патерналистического отношения нам видится наиболее эффективным в период формирования готовности к процессу participации. Именно на первичном этапе становления participационных взаимодействий контекст патерналности позволяет личности активизировать личностную ответственность за действенное поле отношений и процесс достижения общей цели.

Еще один вектор отношений к лицам, имеющим ограниченные возможности здоровья, представлен осознанным/неосознанным дистанцированием от контактов с инвалидами. Как правило, осознанный компонент дистанцирования выражен в реакциях социального отчуждения от лиц с ОВЗ. Индикатором эмоционального состояния, сопровождающего подобное отношение, выступает интрапсихический конфликт личности и переживание стресса возможной включенности в процесс контактирования.

Безусловно, основанием сформированности дистанцированного отношения к лицам с ОВЗ бывает как правило личностный, неотрефлексированный опыт неуспешных контактов с инвалидами и укорененные в сознании установки о неэффективности процесса participации в целом.

Что касается неосознанного дистанцирования от контактов с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья, то спектр восприятия/отношения имеет латентные формы и манифестно может быть реализован в трансляции невротического вида participации при явных имитационных действиях, а также при патернальном отношении, основанном на неосознаваемом мотиве страха за нереализацию общей цели, где сама личность воспринимает себя доминирующей, контролирующей ситуацию, а партнер с ОВЗ как низкоэффективный.

Резюмируя, можно констатировать, что формирование образа Я как гармоничной, самодостаточной личности и как носителя виктимных черт у инвалидов основывается не только на внутренних детерминантах посылов, но и на внешнем влиянии отношения окружающих людей.

Теоретический анализ научных исследований (П. В. Валиева, О. С. Васильева, Х. К. Гасанова, С. К. Нартова-Бочавер, Ф. Р. Филатов, И. А. Шаповал, Е. С. Фоминых и др.), касающихся типологии самооценивания

инвалидами собственного Я, позволил нам выделить следующие типы образа самовосприятия лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья:

- активно-позитивный,
- пассивно-позитивный,
- активно-негативный,
- пассивно-негативный.

Следует отметить, что предложенная типология наиболее выражено характеризует степень и вектор активности/пассивности лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, однако данный деятельностный пласт, несомненно, базируется на типических моделях мировосприятия, то есть когнитивных картинах жизненных устремлений личности.

Категорию лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, которую условно можно обозначить как *«активно-позитивный тип»*, отличает:

- стабильность психических проявлений в контексте восприятия собственного дефекта в развитии;
- реалистичное восприятие себя и окружающих людей;
- позитивный внутренний настрой на успешность жизненной перспективы;
- реалистичные личностные экспектации;
- наличие многовариантного плана жизненного маршрута и желаемых целей;
- самостоятельность в принятии решений, касающихся разноплановой модальности (в ситуациях успеха/неудачи и в ситуации неопределенности).

Лица с ОВЗ, относящиеся к «активно-позитивному типу» самовосприятия, нацелены на активный процесс партиципационных взаимодействий и не склонны к проявлению виктимности. На наш взгляд, именно данная социальная группа при осознании собственной инаковости способна к восприятию статуса инвалидности как новой формы реализации жизненных планов, при коррекции стратегий достижения целей, а не самих желаемых планов.

Категорию лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, которую условно можно обозначить как *«пассивно-позитивный тип»*, отличает:

- нестабильность психических проявлений в контексте восприятия собственного дефекта в развитии;
- неадекватное (чаще заниженное) самооценивание личностных ресурсов;
- позитивный внутренний настрой на патернальное взаимодействие, рентные установки вне внутреннего конфликта;
- нереалистичные личностные экспектации;
- наличие однолинейного плана жизненного маршрута и узость поставленных целей;
- ориентация на внешнюю помощь, отсутствие стремления к переменам.

Лица, имеющие ограниченные возможности здоровья, относящиеся к «пассивно-позитивному» типу самовосприятия, ориентированы на процесс патернализации более выражено, чем на процесс партиципации. Данное обстоятельство связано с тем, что у этой категории инвалидов при нацеленности на открытое позитивное взаимодействие, отсутствует (или недостаточно выражена) активность деятельностного поля. Можно предположить, что склонность к проявлению виктимности не ярко выражена, кроме того, симптоматика виктимных реакций имеет место, как правило, манипуляционного характера (использование статуса инвалида), вне погруженности в образ жертвы.

Категорию лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, которую условно можно обозначить как *«активно-негативный тип»*, отличает:

- нестабильность психических проявлений в контексте восприятия собственного дефекта в развитии;
- неадекватное (чаще завышенное) самооценивание личностных ресурсов;
- негативный внутренний настрой на разностатусное взаимодействие, недоверие партнерам по контактированию;
- нереалистичные личностные экспектации;
- наличие однолинейного плана жизненного маршрута при широте поставленных целей;
- ориентация на самостоятельность, выраженная устремленность к переменам.

Лица с ОВЗ, относящиеся к «активно-негативному типу» самовосприятия, ориентированы на процесс партиципационных взаимодействий.

вий. Однако в связи с тем, что нереалистичное оценивание собственных ресурсов и потенциала партнеров провоцирует включенность в ситуацию повторяющегося неуспеха, данная категория лиц склонна к проявлению агрессии/аутоагрессии, депрессивным реакциям и в целом проявлению виктимных черт личности.

Категорию лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, которую условно можно обозначить как *«пассивно-негативный тип»*, отличает:

- нестабильность психических проявлений в контексте восприятия собственного дефекта в развитии;
- неадекватное (чаще заниженное) самооценивание личностных ресурсов;
- негативный внутренний настрой на разностатусное взаимодействие, недоверие партнерам по контактированию;
- нереалистичные личностные экспектации;
- наличие однолинейного плана жизненного маршрута при узости поставленных целей;
- ориентация на прокрастинацию и ожидание непреодолимых трудностей.

Лица, имеющие ограниченные возможности здоровья, относящиеся к «пассивно-негативному типу» самовосприятия, ориентированы на отношения в системе разностатусных взаимодействий. Однако в связи с наличествующим интрапсихическим конфликтом между желаемым и реальным, данная категория лиц не готова к осознанному, ответственному акту партиципационных взаимодействий. Кроме того, указанная категория инвалидов имеет, как правило, выраженные черты виктимности.

На наш взгляд, основным действенным средством, нивелирующим негативные аспекты восприятия собственного Я и окружающих людей у лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, выступает процесс девиктимизации.

Феномен «девиктимизация» понимается нами как своего рода переход личности от позиции жертвы к позиции социально активной, ответственной и самоэффективной личности. Иными словами, процесс девиктимизации позволяет человеку поверить в собственные ресурсы, объективно воспринимать жизненное пространство и выстроить реали-

стичный, и что немаловажно, эффективный маршрут жизненных перспектив.

Структурными предикторами данного процесса выступают:

- психологическая компенсация;
- психологическая реабилитация;
- социально-психологическая адаптация [113].

Процесс психологической компенсации ориентирован на снижение выраженности функционирования кризисного сознания личности, имеющей ограниченные возможности здоровья. Данное обстоятельство позволяет восстановить/создать заново общий конструкт внутренней стабильности, гармонизировать спектр самоотношения и вектор мировосприятия в целом. Как правило, потребность в психологической компенсации выступает достаточно остро в тот момент, когда личность масштабно переживает кризис собственной неуспешности, несостоятельности, а само проживание трудностей возводится в ранг жизненной катастрофы, не имеющей позитивного исхода.

Нормативное принятие инвалидизации, в данном случае, является не только индикатором стрессоустойчивости, но и конструктом, возможностью изменить собственную жизнь, ориентируясь на инновационные стратегии, новые формы реализации себя и собственных целей.

Процесс психологической реабилитации нацелен на создание комфортных условий для жизнедеятельности и личностного развития личности, имеющей ограниченные возможности здоровья. Основной акцент реабилитационных действий направлен на трансформацию жизненного поля личности и сопряжение ее потенциалов с требованиями социума.

Вне всякого сомнения, обширный пласт усилий ориентирован на нивелирование интрапсихического конфликта личности, имеющей ограниченные возможности здоровья. Конфликт потребностей между желаемым и возможным, пожалуй, выступает основным лейтмотивом депрессивных состояний лиц с ОВЗ. Безусловно, сам факт реабилитации подразумевает процесс масштабных изменений личности и ее жизненного пространства. Лица с ОВЗ острее и рельефнее воспринимают возможные трудности, связанные с процессом психологической реабилитации.

Процесс социально-психологической адаптации представляет собой сложное многовариантное образование. Следует отметить, что адаптация в данном контексте не предусматривает процесс элементарного

приспособления к окружающей среде. Вне всякого сомнения, речь идет о полноценном становлении и развитии свойств, качеств, умений личности, ориентированных на процессы интеграции в широкое поле социально-психологических взаимодействий.

Адаптационные процессы характеризуются разной степенью выраженности. Если процесс адаптации переживается личностью в контексте травматика, то есть принятие переживаемого состояния (например, инвалидизации) как неприемлемое состояние, которое существенно снижает уровень жизни личности, то черты виктимности проявляются достаточно четко в жизненном пространстве личности.

Девиктимизация предполагает активизацию и развитие ресурсного поля личности, имеющей ограниченные возможности здоровья. Основной вектор действенного поля ориентирован на стимуляцию/развитие ресурсов личности. Однако более конкретно следует отметить, что любая стимуляция ресурсного поля личности не возможна, если не будет учтен один из основополагающих аспектов — разрешение насущных противоречий.

Для разрешения выявленной актуальной проблемы следует отметить, что личность с ОВЗ должна быть готова к трудностям (иллюзорным/реальным), ей также необходима критичность восприятия собственных потенций и ресурсов внешнего мира для достижения желаемой цели.

В жизни человека с инвалидностью, вне всякого сомнения, ресурсы как внешний и внутренний потенциал играют огромную роль. Условно можно разделить все наличествующее ресурсное поле на четыре базовые группы:

- личностная,
- социальная,
- институционально-законодательная,
- индивидуально-субкультурная.

Личностная группа ресурсов включает в себя свойства, особенности личности, ее социальный статус, избираемая социальная роль и позиция, а также модель мотивационно-потребностной сферы, которая выступает посылом для активности/пассивности социальных интеракций человека. В процессе девиктимизации данная группа ресурсов используется мощно, так как личностная трансформация представляет собой базовую основу для сознательного принятия себя как зрелой и самоэффективной личности.

Социальная группа ресурсов характеризуется возможностями использования различного рода общественных организаций, с которыми может взаимодействовать личность, имеющая ограниченные возможности здоровья [94]. Полноценное использование социальных ресурсов зависит от многих факторов. Однако ведущим остается один — нацеленность социума на эффективное партиципационное взаимодействие и готовность лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья к процессу партиципации.

Институционально-законодательная группа ресурсов характеризуется не только качеством образования личности с ОВЗ, но и возможностями реализации законодательных актов (общероссийского и локального действий).

Ресурсный план данной группы представляет собой мощную правовую, образовательную, социально-психологическую поддержку лицам с ОВЗ. Кроме того, именно институционально-законодательная группа ресурсов выступает индикатором социального самочувствия и зрелости современных людей, транслируемым в отношении лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья.

Индивидуально-субкультурная группа ресурсов представляет собой особый базовый пласт ценностей и нормативных устремлений, которые личность интериоризировала, усвоив требования социума.

Субкультурный контекст потенциалов обналичивает индивидуальные предпочтения личности, а также формы самопрезентации в социально-психологических взаимодействиях. Причем личность, как правило, сама ориентирована на выбор информационных источников, которые считает значимыми.

Спецификой данной группы ресурсов выступает спектр увлечений личности, ее хобби, интересы. Индивидуальные самопрезентации увлечений личности с ОВЗ носят характер типических/инновационных стратегий достижения желаемых целей. Личность, имеющая ограниченные возможности здоровья, сталкивается с полем возможных трудностей, касающихся реализации актуальных планов. Однако нацеленность на эффективный результат, а также уверенность в собственных силах способствуют повышению самоэффективности личности и успешности достижения желаемых целей.

Вне всякого сомнения, любые трудности реализации желаемых целей провоцируют создание проблемной ситуации, где проявление противоречий характеризует степень выраженности когнитивного диссо-

нанса личности. Преодоление ситуации конфликта, на наш взгляд, вполне допустимо, при использовании личностных, индивидуально-субкультурных ресурсов, а также ресурсов социума и институционально-законодательных ресурсов.

Как уже упоминалось выше, основная идея мер, связанных с девиктимизацией личности, имеющей ограниченные возможности здоровья заключается в необходимости активизировать широкий пласт возможностей: духовных, интеллектуальных, эмоциональных, личностных, социальных и др. Нацеленность адресных действий в отношении лиц с ОВЗ предполагает получение эффективного результата. В частности, речь идет о становлении/активизации следующих понятий:

- контур жизненных сил,
- жизненные ресурсы,
- самооффективность личности,
- стрессоустойчивость личности [37; 58; 74].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что функционирование кризисного сознания ориентирует личность на проявление виктимных черт характера. Данное обстоятельство стимулирует ущербность физического и социально-психического здоровья личности. Основной эффект виктимности — это ощущение себя в образе жертвы. Ведущая форма проявления симптоматики виктимности — неверие в собственные силы и ожидания неудачи/катастрофы от окружающих людей. Самая синзитивная к внешним воздействиям и остро переживаемым внутренним конфликтам социальная группа, склонная к проявлению виктимности, — лица с ОВЗ.

Рассматривая вопрос о девиктимизации лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, можно отметить, что ресурсная составляющая усиливает процесс позитивных трансформаций. Причем равноценность уместна как во внешних (социальных, институционально-законодательных), так и во внутренних (личностных, индивидуально-субкультурных).

Девиктимизация, как процесс своеобразного прорыва, трансформации личности представляет собой инновационное поле действия, где лица с ОВЗ выступают самоценной и самооффективной личностью, способной к построению успешной жизненной перспективы и реализации желаемых целей.

Заключение

В монографии представлен анализ теоретико-методологических аспектов проблемы participatory взаимодействия в современном обществе. Авторы прежде всего интересовали вопросы, связанные с изучением сущности participatory в контексте личной жизни каждого человека. Осознавая масштаб как теоретических, так и практических задач, связанных с изучением participatory взаимодействия, и не претендуя на всеобъемлющий анализ столь сложного явления, авторский коллектив лишь предлагает собственное видение и понимание данного проблемного пространства.

В современном обществе все чаще поднимается проблема создания благоприятных условий для личностного и профессионального развития каждого человека, активного вовлечения его во все сферы жизнедеятельности. При этом отдельным вопросом обсуждается роль самого человека и его ответственность за выбор и реализацию собственного жизненного пути. В этой связи возникла необходимость рассмотрения процесса participatory сквозь призму жизненных перспектив личности, ее субъективного благополучия и социального самочувствия.

Следуя выбранной логике исследования, авторы подчеркивают, что каждый временной период жизни, наполненный многочисленными событиями и характеризующийся неповторимыми социальными связями, имеет личностное значение для человека. Понимание взаимообусловленности прошлого, настоящего и будущего, осмысление причинно-следственных связей между наступившими и планируемыми событиями позволяет личности направить жизнь в желаемое русло, своевременно принимать важные жизненные решения с учетом полученного опыта и планируемого будущего.

Взвешенное отношение личности к самой себе, своим возможностям и возможностям социального окружения увеличивает ее шансы на успех. Бездействие и пребывание в ожидании того, что кто-то сделает жизнь, да и мир в целом, лучше, обречены на неудачу. Поэтому перед каждым человеком стоит задача реализовать себя в социуме, в задачи же общества входит создание пространства равных возможностей. Этими обстоятельствами руководствовались авторы при создании авторских разработок, касающихся уточнения структуры феномена «партиципация», ее видов, типов, характера избираемого поведения субъектов в контексте разностатусных взаимодействий. Кроме того, авторским коллективом была представлена подробная универсальная типология самооценки и самоотношения лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Однако, несмотря на явную актуальность проблемы партиципационных взаимодействий в современном обществе, данная тема в научной практике не достаточно отрефлексирована и требует углубленных исследовательских действий.

Список литературы

1. Жизненная стратегия / К. А. Абульханова-Славская. — М. : Мысль, 1991. — 299 с.
2. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, Т. Ф. Маслова // Социс. — 2008. — № 2. — С. 91—96.
3. Адлер, А. Наука о характерах. Понять природу человека / А. Адлер. — М. : Академический Проект, Гаудеамус, 2014. — 248 с.
4. Айшервуд, М. М. Полноценная жизнь инвалида / М. М. Айшервуд. — М. : Инфра-М, 2009. — 218 с.
5. Акопов, Г. В. Социальная психология образования. / Г. В. Акопов. — М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2000. — 295 с.
6. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — СПб. : Питер, 2001. — 288 с.
7. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. — М. : Аспект Пресс, 2000. — 288 с.
8. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. — М. : Наука, 1994. — 422 с.
9. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. — М. : Смысл, 1999. — 350 с.
10. Артемьева, Т. В. Влияние типа взаимодействия в семье на возникновение тревожности и агрессивности у детей младшего школьного возраста с умственной отсталостью в образовательном процессе / Т. В. Артемьева, В. В. Турусова // Актуальные аспекты психолого-педагогического сопровождения детей с особыми образовательными потребностями : матер. Регионального науч.-практ. семинара 24 ноября 2015 г. — Комсомольск-на-Амуре : АмГПУ, 2015. — С. 10—19.
11. Артюшенко, Н. П. Организационно-педагогические условия обучения детей с ограниченными возможностями здоровья средствами инклюзивного образования / Н. П. Артюшенко: дис. ... канд. пед. наук. 13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования. — Томск : ТГУ, 2010. — 164 с.
12. Бахтин, Н. М. Из жизни идеи / Н. М. Бахтин. — М. : Лабиринт, 1995. — 152 с.
13. Белинская, Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности / Е. П. Белинская // Мир психологии. — № 3. — 1999. — С. 40—46.
14. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. — М. : Прогресс, 1986. — 422 с.
15. Битов, А. Л. Особый ребенок: исследования и опыт помощи. Проблемы интеграции и социализации / А. Л. Битов. — М. : Правда, 2000. — 254 с.
16. Бородина, А. В. Психолого-педагогические особенности студентов с инвалидностью и ОВЗ в Гуманитарно-педагогической академии / А. В. Боро-

дина // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика : матер. II Всерос. науч.-практ. конф. «Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика», 19—21 мая 2016 года. — Ялта : РИО ГПА, 2016. — С. 21—24.

17. Бородкина, Е. В. Осмысленность жизни как фактор субъективного благополучия [Электрон. ресурс] / Е. В. Бородкина // Молодой ученый. — 2009. — № 2. — С. 90—93. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/2/160/> (дата обращения: 12.05.2018).

18. Брушлинский, А. В. Деятельность субъекта как единство теории и практики / А. В. Брушлинский // Психологический журнал. — Т. 1. — 2000. — № 6. — С. 5—11.

19. Бурцева, Н. А. Программа профессиональной реабилитации в системе комплексной реабилитации ребенка-инвалида / Н. А. Бурцева // Доступность высшего образования для инвалидов : матер. итоговой Междунар. конф. Челябинск, 26—28 мая 2003 г. / под ред. В. Н. Севастьянова, Е. А. Мартыновой. — Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2003. — С. 11—13.

20. Быкова, А. В. Типологический анализ форм активности личности в процессе становления субъектности [Электрон. ресурс] / А. В. Быкова // Современные проблемы науки и образования. — 2011. — № 6. Режим доступа: URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5259> (дата обращения: 23.07.2018).

21. Васильева, Н. В. Жизненные планы молодых инвалидов: особенности формирования и реализации в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Н. В. Васильева — М. : Институт молодежи, 2000. — 24 с.

22. Васильева, О. С. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки / О. С. Васильева, Ф. Р. Филатов. — М. : Издат. центр «Академия», 2001. — 352 с.

23. Виллонас, В. К. Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Виллонас. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — 284 с.

24. Возмитель, А. А. Способы бизнеса и способы жизни российских предпринимателей / А. А. Возмитель. — М. : Ин-т социологии РАН, 1997. — 163 с.

25. Годфруа, Ж. Что такое психология / Ж. Годфруа. — М. : Мир, 1992. — Т. 2. — 328 с.

26. Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кропник. — М. : Смысл, 2008. — 267 с.

27. Головаха, Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности / Е. И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. Л. В. Куликов. СПб. : Питер, 2001. — С. 256—269.

28. Дарган, А. А. Отражение детерминированности социального самочувствия и социальной мобильности людей с инвалидностью в моделях инвалидности / А. А. Дарган // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. — 2011. — № 2 (27). — С. 162—167.
29. Дервянко, Ю. П. Особенности структуры переживания времени студентами / Ю. П. Дервянко // Вестник университета (Государственный университет управления). — М. : ГУУ, 2011. — № 10. — С. 35—37.
30. Деркач, А. А. Психология профессиональной деятельности / А. А. Деркач. — М. : РАГС, 2009. — 340 с.
31. Деркач, А. А. Акмеологические основы развития профессионала / А. А. Деркач. — М. : Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2004. — 752 с.
32. Дильтей, В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / В. Дильтей. — М. ; СПб. : «Центр гуманитарных инициатив», 2013. — 464 с.
33. Добрынина, О. А. Взаимосвязь психических состояний инвалидов с адаптационным потенциалом личности / О. А. Добрынина, М. А. Добрынина // Актуальные проблемы психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья : матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья». — М. : МГППУ, 2011. — С. 245—249.
34. Долгалев, Б. А. Социально-психологические проблемы инвалидов / Б. А. Долгалев, В. Н. Ладикова // Человек: его сущность, развитие и проблемы. Вып. 1 / под ред. В. С. Кукушина. — Ростов н/Д., РГУ, 2000. — 336 с.
35. Дьяченко, М. И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. — Мн. ; МГУ, 1976. — С. 8—29.
36. Епифанцева, А. И. Перспектива личности и ее психологические особенности / А. И. Епифанцева // Вопросы психологии. — 1964. — № 6. — С. 97—103.
37. Зараковский, Г. М. Качество жизни населения России: психологические составляющие / Г. М. Зараковский. — М. : Смысл, 2009. — 319 с.
38. Ипатова, Н. А. Формирование толерантности у студентов в процессе инклюзивного образования / Н. А. Ипатова, М. А. Шумских // Инклюзивное образование: практика, исследования, методология : сб. матер. II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. В. Алехина. — М. : МГППУ, 2013. — С. 252—254.
39. Кавокин, С. Н. Образование инвалидов как компонента их комплексной реабилитации / С. Н. Кавокин // Инновации в российском образовании. Специальное (коррекционное) образование. — М. : Изд-во МГУП, 2000. — С. 50—60.
40. Казакевич, Т. А. Целесообразность и цель в общественном развитии / Т. А. Казакевич. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. — 96 с.
41. Капелюшников, Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации / Р. И. Капелюшников. — М., 2001. — 200 с.

42. Карина, О. В. Экспектации и самодетерминация в подростковом и юношеском возрасте: социально-психологический аспект / О. В. Карина, М. А. Киселева, Н. Е. Шустова. — Саратов : Саратовский источник, 2010. — 100 с.
43. Карина, О. В. Социальное самочувствие личности в контексте проблемы прокрастинации / О. В. Карина, М. А. Киселева, Н. Е. Шустова // Научный вестник МГИИТ. — 2015. — № 3. — С. 30—33.
44. Клепинина, Ю. В. Трудовая занятость людей с инвалидностью как фактор их интеграции в общество / Ю. В. Клепинина // Омские социально-гуманитарные чтения-2016 : матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. — Омск : ОГТУ, 2016. — С. 63—68.
45. Ковалев, В. И. Особенности личностной организации времени жизни / В. И. Ковалев // Гуманистические проблемы психологической теории. — М. : Наука, 1995. — С. 179—184.
46. Коган, Л. Н. Человек и его судьба / Л. Н. Коган. — М. : Мысль, 1988. — 285 с.
47. Коган, Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. — М. : Мысль, 1984. — 252 с.
48. Колесов, Д. В. Целостность и целеполагание. Феномен «тупикового успеха» / Д. В. Колесов // Мир психологии. — 2004. — № 4. — С. 70—79.
49. Кон, И. С. Жизненный путь как предмет дисциплинарного исследования / И. С. Кон. — М. : Наука, 1989. — С. 471—483.
50. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. — М. : Политиздат, 1978. — 367 с.
51. Кондратова, Н. А. Субъективная репрезентация жизненного пространства личности : автореф. дис. ... канд. психол. Наук / Н. А. Кондратова. — М. : МГУ. 2009. — 24 с.
52. Кондратьева, С. И. Механизм управления инновационным проектом по внедрению инклюзивной модели образования в вузе : дис. ... канд. экон. наук / С. И. Кондратьева. 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (управление инновациями). — М. : МПГУ, 2010. — 169 с.
53. Кулик, А. А. Личностный потенциал как психологическое условие качества жизни (на примере спортсменов-паралимпийцев) / А. А. Кулик // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — № 4—1 (60). — С. 130—134.
54. Левин, К. Динамическая психология: избр. труды / пер. с нем. и англ. Е. Патяевой, Д. Леонтьевым; К. Левин. — М. : Смысл, 2001. — 572 с.
55. Левин, К. Определение понятия «поле в данный момент» / К. Левин // Хрестоматия по истории психологии: Период открытого кризиса. — М. : Речь, 1980. — С. 131—145.
56. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М. : Просвещение, 1977. — 304 с.
57. Леонтьев, А. Н. Образ мира: избранные психологические произведения / А. Н. Леонтьев. — М. : Педагогика, 1983. — 320 с.

58. Лига, М. Б. Качество жизни как основа социальной безопасности : моногр. / М. Б. Лига ; под ред. проф. М. В. Константинова. — М. : Гардарики, 2006. — 223 с.
59. Лига, М. Б. Оценка инвалидами реализации государственной программы «Доступная среда» / М. Б. Лига, И. А. Щеткина, З. Д. Пояркова // Социологическое исследование. — 2016. — № 4. — С. 75—79.
60. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
61. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — М. : Изд-во МГУ, 1979. — 319 с.
62. Лясковская, О. В. Совершенствование мониторинга социального самочувствия в системе управления качеством жизни населения региона : дис. канд. социол. наук: 22.00.08 — Социология управления / О. В. Лясковская. — Орел : Орловская регионал. академ. гос. службы, 2007. — 177 с.
63. Максименко, Ж. А. Представления людей с ОВЗ и инвалидностью о социально-психологических барьерах, снижающих качество их жизни / Ж. А. Максименко // Вестник Московского государственного областного университета. — 2016. — № 4. — С. 71—79.
64. Маликова, Т. В. Оценка качества жизни людей с ограниченными возможностями / Т. В. Маликова, Д. Г. Пирогов // Педиатр. — 2016. — Т. 7. — № 1. — С. 156—162.
65. Малюченко, Г. Н. Теоретико-методологическое обоснование диагностического опросника «Специфика предвосхищения будущего» / Г. Н. Малюченко, О. В. Карина, Н. Е. Шустова и др. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2009. — № 2—2. — С. 29—39.
66. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. — СПб. : Евразия, 1999. — 432 с.
67. Мид, Дж. От жеста к символу / Дж. Мид // Американская социологическая мысль / под ред. И. Добренькова. — М. : МГУ, 1994. — 496 с.
68. Миронова, О. И. Социально-психологическая концепция вынужденных контактов : автореф. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 — Социальная психология / О. И. Миронова. — М. : Моск. гор. психол.-пед. ун-т. 2011. — 42 с.
69. Мкртчян, Г. М. Стратификация молодежи в сферах образования, занятости, потребления / Г. М. Мкртчян // Социологические исследования — 2005. — № 2. — С. 104—110.
70. Моор, М. О. Трудоустройство и поиск работы инвалидами трудоспособного возраста в Амурской области / М. О. Моор, Н. Ю. Щека // Международный научно-исследовательский журнал. — 2018. — № 1—3 (67). — С. 87—91.
71. Мудрак, В. И. Процессы целеполагания в организации времени студентов высшей школы / В. И. Мудрак, Т. А. Павлова // Психология личности и время : тез. докл. — Черновцы, 1991. — Т. 2. — С. 37—39.

72. Мясичев, В. Н. На пути создания психологической теории личности (К 100-летию со дня рождения А. Ф. Лазурского) / В. Н. Мясичев, В. А. Журавель // Вопросы психологии. — 1974. — № 2. — С. 32—42.
73. Налимов, В. В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. — М. : Прометей ; МГПИ им. Ленина, 1989. — 320 с.
74. Нартова-Бочавер, С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии / С. К. Нартова-Бочавер. — СПб. : Питер, 2008. — 400 с.
75. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен ; под ред. Д. А. Леонтьева. — М. : Смысл, 2008. — 608 с.
76. Овчинников, А. А. Особенности социальной адаптации у лиц с ограниченными возможностями здоровья / А. А. Овчинников, А. Н. Султанова, Т. Ю. Сычева // Медицина и образование в Сибири. — 2015. — № 6. — С. 13.
77. Ошемкова, Ю. С. Лень у молодых людей как следствие отсутствия экзистенциальной мотивации / Ю. С. Ошемкова // Ананьевские чтения. 2004. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. — С. 591—592.
78. Петровский, В. А. Модель рефлексивного выбора: трансактная версия / В. А. Петровский, Т. А. Таран // Рефлексивные процессы и управление. — 2003. — № 1. — Т. 3. — С. 74—92.
79. Петухов, В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 1984. — № 4. — С. 13—20.
80. Платонов, К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов, А. Д. Глоточкин. — М. : Наука, 1986. — 256 с.
81. Поршнев, Б. В. Социальная психология и история / Б. В. Поршнев. 2-е изд. — М. : Наука, 1979. — 232 с.
82. Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М., 1990. — 480 с.
83. Ральникова, И.А. Жизненные перспективы личности: риски воспроизводства девиантного поведения : моногр. / И. А. Ральникова, О. С. Гурова, Е. А. Ипполитова ; под науч. ред. Л. Д. Деминой. — Барнаул : Изд-во Алт. унта, 2012. — 286 с.
84. Реан, А. А. Психология: учебник / А. А. Реан. — М. : Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2003. — 368 с.
85. Резник, Т. Е. Жизненные стратегии личности / Т. Е. Резник, Ю. М. Резник // Социс. — 1995. — № 2. — С. 98—104.
86. Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека : пер. с англ. / К. Р. Роджерс ; общ. ред. и предисл. Е.И. Исениной. — М. : Издат. группа «Прогресс», Универс, 1994. — 480 с.

87. Романов, П. В. Политика инвалидности. Социальное гражданство инвалидов в современной России / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. — М. : Научная книга, 2006. — 260 с.
88. Рубина, Л. Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей / Л. Я. Рубина // Социологические исследования. — 1996. — № 6. — С. 63—75.
89. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. — М. : Директ-Медиа, 2008. — 695 с.
90. Серенкова, В. Ф. Типологические особенности планирования личностного времени / В. Ф. Серенкова // Гуманистические проблемы психологической теории. — М. : Наука, 1995. — С. 192—204.
91. Серкин, В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни / В. П. Серкин // Мир психологии. — № 4. — 2009. — С. 109—119.
92. Слюсарева, Е. С. Содержание и виды реабилитационной помощи детям с нарушениями в развитии / Е. С. Слюсарева // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 4—2. — С. 140—142.
93. Смирнов, С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. — М. : Изд-во МГУ, 1985. — 231 с.
94. Социальная работа с молодежью / под ред. Н. Ф. Басова. 2-е изд. — М. : Дашков и К°, 2009. — 328 с.
95. Сушков, И. Р. Психологические отношения человека в социальной системе / И. Р. Сушков. — М. : Институт психологии РАН, 2008. — 412 с.
96. Тиллих, П. Систематическая теология: Т. 3 / П. Тиллих. — СПб. : Университетская книга, 2000. — 415 с.
97. Толстых, Н. Н. Использование метода мотивационной индукции для изучения мотивации и временной перспективы будущего / Н. Н. Толстых // Психологическая диагностика. — 2005. № 3. — С. 77—94.
98. Тощенко, Ж. Т. Социальное настроение / Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко. — М. : Академия, 1996. — 196 с.
99. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. — СПб. : Издат. дом «Питер», 2001. — 230 с.
100. Фам, А.Х. Индивидуальные особенности выбора в ситуациях различной значимости : автореф. дис. ... канд. психол. наук. / А. Х. Фам. — М. : МГУ, 2015. — 36 с.
101. Фахрадова, Л. Н. Социологическое измерение качества жизни инвалидов (на примере Вологодской области) / Л. Н. Фахрадова // Социум и власть. — 2017. — № 1. — С. 23—29.
102. Фесенко, П. П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / П. П. Фесенко. — М., 2005. — 24 с.
103. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М. : Прогресс, 1990. — 368 с.

104. Фресс, П. Восприятие и оценка времени / П. Фресс // Экспериментальная психология ; ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. — М. : Прогресс, 1978. — Вып. 6. — С. 88—135.
105. Хазова, С. А. Качество жизни взрослых инвалидов с детства / С. А. Хазова, Н. С. Шипова // Вестник Костромского гос. ун-та: науч.-метод. журн. Серия Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2017. — № 3. — С. 96—101.
106. Холодная, М. А. Теоретические представления Л. М. Веккера о природе концептуальных структур в контексте исследований креативности / М. А. Холодная // Психологический журнал — 2008. — Т. 29. — № 5. — С. 21—31.
107. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. — М. : Прогресс, 1993. — 288 с.
108. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни. — СПб. : Речь, 1997. — 160 с.
109. Цой, Л. П. Самореализация лиц с ограниченными возможностями в современных социокультурных условиях [Электронный ресурс] / Л. П. Цой // Молодой ученый. — 2017. — № 13.2. С. 22—25. URL <https://moluch.ru/archive/147/42015/> (дата обращения: 11.06.2018).
110. Черных, Л. А. Особенности индивидуально-коммуникативного компонента коммуникативной культуры подростков вспомогательной школы / Л. А. Черных, О. В. Замиралова // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика : матер. II Всерос. науч.-практ. конф. «Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика», 19—21 мая 2016 года. — Ялта : РИО ГПА, 2016. — С. 323—327.
111. Чудновский, В. Э. Смысл жизни и судьба / В. Э. Чудновский. — М. : Ось-89, 1997. — 208 с.
112. Шамионов, Р. М. Психология субъективного благополучия: (к разработке интегративной концепции) / Р. М. Шамионов ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : СГУ, 2003. — 110 с.
113. Шаповал, И. А. Специальная психология / И. А. Шаповал. — М. : ТЦ «Сфера», 2005. — 197 с.
114. Шевеленкова, Т. Д. Психологическое благополучие личности / Т. Д. Шевеленкова, П. П. Фесенко // Психологическая диагностика. — 2005. — № 3. — С. 95—129.
115. Шибутани, Т. Социальная психология : пер. с англ. / Т. Шибутани. — Ростов н/Д : Феникс, 1998. — 544 с.
116. Ширяева, А. С. Психологические детерминанты сверхнормативного поведения личности : моногр. / А. С. Ширяева, Е. Б. Весна. — Петропавловск-Камчат. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. — 189 с.
117. Шляхтин, Г. С. Возрастные особенности временной перспективы личности / Г. С. Шляхтин // Психология личности и время : тез. докладов и сообщ.

щений Всесоюзной науч.-теорет. конф. — Черновцы : ЧГУ, 1991. — Т. 1. — С. 13—15.

118. Яничев, П. И. Психология отражения и переживания времени: актуальные проблемы [Электрон. ресурс] / П. И. Яничев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2007. № 42. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-otrazheniya-i-perezhivaniya-vremeni-aktualnye-problemy> (дата обращения: 27.01.2018).

119. Ярошевский, М. Г. История психологии: от античности до середины XX века / М. Г. Ярошевский. М. : Академия, 1996. — 413 с.

120. Ярская-Смирнова, Е. Р. Проблема доступности высшего образования для инвалидов / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов // Социологические исследования. — 2005. — № 10. — С. 48—56.

121. Allport, G. W. Pattern and growth in personality / G. W. Allport. — New York, 1961. — P 593.

122. Buhler, C. Basic theoretical concepts of humanistic psychology / C. Buhler // *American Psychologist*. — 1971. V. 26. — № 4. — P. 378—386.

123. Cinnirella, M. Exploring temporal aspects of social identity : the concept of possible social identities / M. Cinnirella // *European Journal of Social Psychology*. 1998. № 28 (22).

124. Cottle, T. J. Perceiving time: a psychological study with men and women / T. J. Cottle. — New York : Willey, 1976. — 267 p.

125. De Boer, A. Regular primary schoolteachers attitudes towards inclusive education : a review of the literature / A. De Boer, S. J. Pijl, A. Minnaert // *International Journal of Inclusive Education*. — 2011. — Vol. 15. — № 3. — P. 244—256.

126. Dinzelbacher P. Europäische Mentalitätsgeschichte : Hauptthemen in Einzeldarstellungen / P. Dinzelbacher. Stuttgart : Alfred Kroner Verlag, 1993. — 124 p.

127. Flett, G. L. The Perfectionism Cognitions Inventory: Psychometric Properties and Associations with Distress and Deficits in Cognitive Selfmanagement / G. L. Flett, P. L. Hewitt, T. Whelan et al. // *Journal of Rational-Emotive Cognitive-Behavior Therapy*. — 2007. — Vol. 25. — P. 255—277.

128. Frank, L. K. Time Perspective / L. K. Frank // *Journal of Social Philosophy*. — 1939. — № 4. — P. 293—312.

129. Gerstmann, P. Sposób formulowania planów życiowych a poziom równowagi emocjonalnej dorastającej młodzieży / P. Gerstmann // *Psychologia wychowawcza*. — 1981. — XXIV. — № 1. — P. 66—75.

130. Heller, F. Organizational participation: Myth and Reality / F. Heller, E. Pusic, G. Strauss, B. Wilpert. — Oxford, 2004. — P. 14—87.

131. Higgins, E. T. Ideal versus ought predilections for approach and avoidance: Distinct self-regulatory systems / E. T. Higgins, C. J. R. Roney, E. Crowe et al. // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1994. — Vol. 66. — P. 276—286.

132. Kelly, G. A. Theory of Personality: The Psychology of Personal Constructs / G. A. Kelly. — New York : Norton, 1963. — 244 p.

133. Klinger, E. The search for meaning in evolutionary perspective and its clinical implications / E. Klinger // *The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications.* — Mahwah, NJ, US : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1998. — P. 27—50.
134. Little, B. R. Personal projects, happiness, and meaning: On *Journal of Personality and Social Psychology*/ B. R. Little, I McGregor // *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol 74(2), Feb 1998, 494-512
135. Locke E. Toward a theory of task motivation and incentives / E. Locke // *Organizational Behavior and Human Performance.* — 1968. — Vol. 3. — P. 157—189.
136. Markus, H. & Nurius, P. Possible Selves: The Interface between Motivation and the Self-Concept / H. Markus & P. Nurius // *Self and Identity: Psychosocial Perspectives.* — Wiley. Oxford : Wiley & Sons, 1987. — P. 157—172.
137. Merton, R. K. The self-fulfilling prophecy / R. K. Merton // *Antioch Review.* — 1948. — № 8 (2). — P. 193—210.
138. Miller, K. I., Monge P. R. Participation, satisfaction, and productivity: A meta-analytic review / K. I. Miller, P. R. Monge // *Academy of Management Journal.* — 1986. — Vol. 29. — P. 727—753.
139. Neumann J. E. Why people don't participate in organizational change // eds R. Woodman, W. Pasmore. *Research in organizational change and development.* 1989. Vol. 3. P. 181—212.
140. Ryff, C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing / C. D. Ryff // *Journal of Personality and Social Psychology.* — 1989. — № 57. — P. 1069—1081.
141. Steel, P. The nature of procrastination: A metaanalytic and theoretical review of quintessential self — regulatory failure / P. Steel // *Psychol. Bul.* — 2007. — V. 133. — № 1. — P. 65—94.
142. Strauss G. *Personnel: The human problems of management* // G. Strauss., L. R. Sayles. — Prentice-Hall, Eaglewood Cliffs, NJ, 1972. — 226 p.

Научное издание

Карина Ольга Витальевна,
Лученкова Марина Анатольевна,
Шустова Наталья Евгеньевна.

*Партиципационное взаимодействие
и жизненные перспективы личности*

Монография

Подписано в печать 26.10.18. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 6,3. Усл.-печ. л. 7,03.
Тираж 300 экз. Заказ №187

Типография ЦВП «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутузова 138б, 3 этаж.
Тел. 52-05-93